

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
АМУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
(ФГБОУ ВО «АмГУ»)

Факультет юридический
Кафедра уголовного права
Специальность 030501.65 - Юриспруденция

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ
Зав. кафедрой

_____ Т.Б. Чердакова
«___» _____ 2016 г.

ДИПЛОМНАЯ РАБОТА

на тему: Правовые последствия признания доказательств недопустимыми в уголовном процессе

Исполнитель
студент группы 027

О. И. Янушкевич

Руководитель
доцент, канд. юр. наук

О. В. Скоробогатова

Нормоконтроль

Н. С. Архипова

Рецензент

Ю. Д. Кокамбо

Благовещенск 2016

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
АМУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
(ФГБОУ ВО «АмГУ»)

Факультет юридический
Кафедра уголовного права

УТВЕРЖДАЮ
Зав. кафедрой

_____ Т.Б. Чердакова
подпись И.О. Фамилия
«___» _____ 2015 г.

З А Д А Н И Е

К дипломной работе студента 027 группы Янушкевич Ольге Ивановне

1. Тема выпускной квалификационной работы (проекта): Правовые последствия признания доказательств недопустимыми в уголовном процессе
(утверждено приказом от _____ № _____)

2. Срок сдачи студентом законченной работы (проекта) 01.06.2016 г.

3. Исходные данные к дипломной работе (проекту): Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, иные правовые акты, учебная литература, публикации в периодических изданиях, материалы судебной практики.

4. Содержание дипломной работы (проекта) (перечень подлежащих разработке вопросов): Понятие доказательств и общие условия их допустимости; характеристика института недопустимых доказательств в уголовном судопроизводстве; правовые последствия признания доказательств недопустимыми: особенности и проблемы.

5. Перечень материалов приложения: (наличие чертежей, таблиц, графиков, схем, программных продуктов, иллюстративного материала и т.п.) _____

6. Консультанты по дипломной работе: нет .

7. Дата выдачи задания 23 ноября 2015 г.

Руководитель дипломной работы (проекта) доцент, канд. юр. наук О.В. Скоробогатова

Задание принял к исполнению (дата): 23 ноября 2015 г.

(подпись студента)

ОПРЕДЕЛЕНИЯ, ОБОЗНАЧЕНИЯ, СОКРАЩЕНИЯ

ВС РФ – Верховный Суд Российской Федерации;

ЕСПЧ – Европейский Суд по правам человека;

УК РФ – Уголовный кодекс Российской Федерации;

УПК РФ – Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации;

ФЗ – Федеральный закон;

ФКЗ – Федеральный конституционный закон.

РЕФЕРАТ

Дипломная работа содержит 84 с., 78 источников.

ПОНЯТИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, УСЛОВИЯ ДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, НЕДОПУСТИМЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА, НАРУШЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНА, ОСНОВАНИЯ ПРИЗНАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ НЕДОПУСТИМЫМИ, ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ, ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПРИЗНАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ НЕДОПУСТИМЫМИ

Вопрос о допустимости доказательств – один из главенствующих в теории и практике доказывания, он тесно связан с задачами охранительного типа судопроизводства, принципом охраны прав и свобод личности в уголовном процессе. Как неоднократно указывал Конституционный Суд РФ в своих Постановлениях, исключение из судопроизводства доказательств, полученных с нарушением закона, является конституционным правом человека, которое как составная часть более общего конституционного права на судебную защиту в соответствии с ч. 3 ст. 56 Конституции РФ ограничено быть не может.

Объектом исследования работы являются общественные отношения, возникающие в сфере применения уголовно-процессуального законодательства касающегося признания доказательств недопустимыми.

Предмет исследования – изучение нормативной базы и теоретических разработок касающихся института недопустимых доказательств в уголовном процессе.

Цель работы заключается в комплексном исследовании недопустимых доказательств в уголовном процессе и правовых последствий признания их таковыми, выявлении проблем правового регулирования и предложений путей их решения.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	6
1 Понятие доказательств и общие условия их допустимости	8
1.1 Понятие и сущность доказательств в уголовном процессе	8
1.2 Условия допустимости доказательств	15
2 Характеристика института недопустимых доказательств в уголовном судопроизводстве	23
2.1 Недопустимые доказательства: понятие и особенности	23
2.2 Нарушения уголовно-процессуального закона как основания признания доказательств недопустимыми	28
2.3 Процессуальные основания признания доказательств недопустимыми и их характеристика	38
3 Правовые последствия признания доказательств недопустимыми: особенности и проблемы	62
Заключение	73
Библиографический список	77

ВВЕДЕНИЕ

В последнее время с учетом опыта демократических государств мира особое внимание в России стало уделяться развитию института доказательств в уголовном процессе. Среди актуальных аспектов в данной области следует отметить такое свойство доказательств, как их допустимость. Допустимости доказательств придается значение одного из главных средств охраны и защиты прав человека.

Вопрос о допустимости доказательств – один из главенствующих в теории и практике доказывания, он тесно связан с задачами охранительного типа судопроизводства, принципом охраны прав и свобод личности в уголовном процессе. Длительное время проблема допустимости доказательств находилась на периферии отечественной уголовно-процессуальной науки. Изменения в российском конституционном и отраслевом законодательстве ставят институт допустимости доказательств в центр проблематики доказательственного права, определяют его первостепенное значение для следственной и судебной деятельности. Однако приходится констатировать, что до настоящего времени в УПК РСФСР отсутствовала норма, посвященная вопросам допустимости доказательств, а ст. 75 УПК РФ не отражает всей сущности и сложности этой проблемы.

Однако анализ практики уголовного судопроизводства свидетельствует о довольно широком распространении нарушений законности при получении доказательств в ходе предварительного расследования. Суды также отнюдь не всегда проявляют последовательность в реализации строгого запрета на использование в правосудии доказательств, полученных с нарушениями закона. Многие судьи склонны либерально относиться к отдельным отступлениям от соблюдения требований закона в досудебном производстве, что расценивается следователями и дознавателями как возможность проявлять упрощенчество при получении доказательств, руководствуясь правилом «и так сойдет».

Объектом исследования работы являются общественные отношения, воз-

никающие в сфере применения уголовно-процессуального законодательства касающегося признания доказательств недопустимыми. Предмет исследования – изучение нормативной базы и теоретических разработок касающихся института недопустимых доказательств в уголовном процессе.

Цель работы заключается в комплексном исследовании недопустимых доказательств в уголовном процессе и правовых последствий признания их таковыми, выявлении проблем правового регулирования и предложений путей их решения.

Для достижения намеченной цели последовательно поставлены следующие задачи: исследовать понятие и сущность доказательств в уголовном процессе; выявить условия допустимости доказательств; исследовать понятие и особенности недопустимых доказательств; дать характеристику нарушениям уголовно-процессуального закона, как основаниям признания доказательств недопустимыми; рассмотреть процессуальные основания признания доказательств недопустимыми; охарактеризовать особенности и проблемы последствий признания доказательств недопустимыми.

Методологическая основа дипломной работы представлена совокупностью общенаучных и специальных методов познания социально - правовой действительности. Превалирующее значение занимает общенаучный диалектический метод, обеспечивающий комплексное рассмотрение объекта исследования, также применены формально-логический, сравнительно-правовой, системно-структурный, методы ретроспективного анализа и правового моделирования.

Теоретической базой исследования послужили работы отечественных правоведов в области института недопустимых доказательств.

Научное осмысление отдельных аспектов законодательного регулирования признания доказательств недопустимыми представлено в работах А. Анисимова, С.В. Бажанова, В.М. Быкова, Е. Быковой, А.А. Васяева, Н. Григорьевой, Е.П. Гришиной, А.А. Давлетова, Е.А. Доля, П.А. Лупинской, И.В. Маслова, В.В. Мельник, Л.Т. Ульяновой, Т.Ф. Худина и ряда других.

1 ПОНЯТИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И ОБЩИЕ УСЛОВИЯ ИХ ДОПУСТИМОСТИ

1.1 Понятие и сущность доказательств в уголовном процессе

Дефиниция доказательств закреплена в ч. 1 ст. 74 УПК РФ. Доказательствами являются не фактические данные (ч. 1 ст. 69 УПК РСФСР), а «любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном настоящим Кодексом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела». В некоторых зарубежных уголовно-процессуальных законах, в отличие от российского, не содержится определения понятия доказательств, так как это не имеет значения для национального судопроизводства.

Российское законодательство не выделяет доказательственное право из уголовно-процессуального права, в отличие, например, от законодательства Англии и США. Так, в США существуют федеральные правила о доказательствах по уголовным делам 1984 г. Таким образом, в российском уголовно-процессуальном законодательстве придается первостепенное значение понятию доказательств, поскольку без выяснения вопроса, что является доказательством, невозможно осмыслить сущность доказательственного права¹.

УПК РФ, считая доказательствами «любые сведения», тем самым заменил слова «фактические данные» термином «сведения», сохранив перед ним слово «любые». Между тем нельзя не признать, что в действительности доказательствами не могут быть любые сведения о фактах (как и любые фактические данные или любые сведения), если к доказательству предъявлять нормативные требования об их относимости и допустимости.

Суть доказательства по уголовному делу заключается в том, что им служат сведения (знания, представление о чем-либо)², непосредственно полученные в предусмотренной законом форме от материального объекта, отразивше-

---

¹ Алиев Т. Т. Доказательства, понятие, свойства // Закон и право. 2002. № 3. С. 24.

² Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 2011. С. 698.

го признаки прошлого события.

Доказательство нельзя просто собрать как данность (завладение чем-либо готовым), исходя из прямого назначения слова «собрать», при этом установив (доказав) собранным что-либо.

Доказательство – это умозаключение, путем которого выводится какое-либо положение, подтверждается что-либо.

Доказательство – это всегда процесс, процесс рассуждений, суждений и умозаключений.

Доказательство – это не протоколы процессуальных действий (на которые, например, ссылаются судьи в выносимых приговорах, типа виновность И. подтверждается протоколом допроса свидетеля В. - том 1, лист уголовного дела 159), это сведения (информация), содержащиеся в данных протоколах, которые устанавливают определенные обстоятельства согласно силлогическим правилам.

«Доказательство - это выведение истинности положения (суждения) из других положений (суждений), то есть умозаключение. Отсюда, вывод есть результат, итог доказательства. Определение есть суждение. Из суждения выводится следствие. Каждое явление (так называемый факт) отражается в сознании и кладется в начало суждения о связи этого явления с другими явлениями. Умение находить доводы для доказательства относится к способности суждения. Что и есть самое трудное в доказывании. Говорят: истинное доказательство, ложное доказательство. Это неправильное употребление слов. Доказательство может быть только истинным или никаким. Что важно для доказывания в судебном процессе. Истинным или ложным может быть вывод. Вывод - это утверждение, тезис, который следует из доказательства. Из доказательства всегда следует правильный вывод. Если доказательство неправильное, то есть нарушены правила логики, то это не доказательство, поэтому вывод не может быть истинным. Назначение процессуального закона - препятствовать подмене объективного знания субъективной уверенностью, которая склонна к абсурду. Единственное средство проверки субъективной уверенности в целях преодоле-

ния заложенного в ней абсурда - это логика. Хотя сама по себе логика не есть объективное знание, а лишь стремится к нему. Но субъективная уверенность есть догадка, предположение, гипотеза, суждение чувства. Большинство процессуальных решений основывается на субъективной уверенности, а не на объективном знании. Субъективная уверенность властного лица лишь стремится придать убедительную форму его утверждению».

«Рассуждение - это переход одних суждений в другие, то есть когда одно суждение порождает другое. Суждение есть мысль, обозначающая отношение вещи к другой вещи. Однако суждение может быть истинным или ложным в зависимости от того, имело ли в действительности место отношение между вещами, выраженное в суждении. Ведь суждение всего лишь мысль о вещах. Следовательно, чтобы проверить истинность суждения, предварительно нужно установить наличие вещей и отношений между ними, то есть упорядочить вещи (явления). Рассуждение, то есть переход одних суждений в другие, завершается умозаключением, суть которого состоит в выведении нового знания из известных знаний. Поэтому логический вывод об истинности или ложности тезиса на основании свободного внутреннего убеждения и есть умозаключение, а не произвол дурной воли. Поэтому истинность решения по внутреннему убеждению легко проверяется по правилам логики»³.

Суть же обстоятельств (обстановка, явление) по делу, подлежащих установлению или доказыванию в соответствии со ст. 73 УПК РФ, как отмечает А.А. Давлетов, «состоит в том, что ими выступает знание о прошлых или настоящих, но происходящих вне места нахождения следователя, дознавателя, прокурора, суда явлениях, вещах, процессах действительности, имеющих значение по уголовному делу и исследуемых при помощи доказательств. Главный критерий обстоятельства - опосредованность его установления, тот особый способ, которым познаются прошлые или отдаленные от познающего настоящие события, явления действительности... Любая практическая деятельность чело-

---

³ Воробьев А. В. «Дело Йукоса» как зеркало русской адвокатуры (комплексное исследование в защиту российской адвокатуры и правосудия). М., 2008. С. 276.

века, в том числе познавательная, в самом общем виде может быть выражена такой схемой: С -> О, где С - субъект познания, О - объект познания, «->» - средства и способы, применяемые субъектом при исследовании объекта. Значит, для того, чтобы выявить сущность того или иного вида деятельности, надо определить, во-первых, кто является ее субъектом, во-вторых, что им изучается, в-третьих, каким образом данная деятельность осуществляется. Если субъекты уголовно-процессуального познания прямо названы в законе, то с объектом познания по уголовному делу такой определенности нет»⁴.

Важным в теории доказательств является вопрос о процессуальной сущности доказательства (соотношение фактических данных и их процессуальных источников). Как справедливо утверждал выдающийся ученый-процессуалист М.С. Строгович, понятие доказательства имеет двойное значение. Доказательства - это, во-первых, те данные о юридически значимых фактах, на основе которых устанавливается преступление или его отсутствие, виновность или невиновность того или иного лица в совершении преступления и иные обстоятельства дела, от которых зависит степень виновности этого лица, а во-вторых, доказательствами являются те предусмотренные законом источники, из которых следствие и суд получают сведения об имеющих значение для дела фактах и посредством которых эти факты устанавливаются⁵.

Существуют различные подходы к рассмотрению вопроса о процессуальной сущности доказательства.

М.С. Строгович, указывал, что доказательствами являются как фактические данные, так и их процессуальные источники⁶.

По мнению Р.С. Белкина, доказательствами по делу являются только фактические данные⁷.

Позицию, разделяемую в настоящее время большинством процессуалистов, обосновал В.Я. Дорохов в монографии «Теория доказательств в советском уголовном процессе». В анализе структуры доказательства автор исходит из

⁴ Давлетов А. А. Основы уголовно-процессуального познания. М., 2000. С. 17.

⁵ Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1990. Т. I. С. 286.

⁶ Там же, С. 294.

⁷ Белкин Р. С. Собираение, исследование и оценка доказательств. М., 1989. С. 11-12.

единства фактических данных и их процессуальных источников⁸.

Предпочтительнее представляется последняя из приведенных точек зрения. Сами по себе «фактические данные» о каких-либо обстоятельствах являются инструментом логического доказывания в процессе познания истины. Элементом процессуального доказывания (доказательствами по уголовному делу) они становятся лишь на условиях их надлежащего получения и процессуального удостоверения. По нашему мнению, имеющиеся в науке различные точки зрения по вопросу о единстве фактических данных и их процессуальных источников во многом связаны с трактовкой законодателем понятия доказательств и определения их видов. Так, в ст. 74 УПК РФ под доказательствами одновременно понимаются и показания подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего, специалиста, эксперта, и протоколы следственных и судебных действий, в которых они, собственно, и содержатся.

По нашему убеждению, никакого противоречия в таком подходе нет. Представляется, что упоминание показаний как источника доказательств связано со спецификой судебного разбирательства, а именно с таким его условием, как устность и непосредственность (ст. 240 УПК), которые означают, что судьи получают сведения об обстоятельствах, имеющих значение для дела, путем личного восприятия всех доказательств в судебном заседании, а не по письменным материалам дела и только на основе своего восприятия делаю выводы по делу⁹.

В теории уголовного процесса нет единства мнений по вопросу о тождестве терминов «фактические данные», с одной стороны, и «данные о фактах» - с другой. Так, в юридической литературе можно встретить разночтения по этому поводу. Содержание доказательств, с которым связаны эти разночтения, в разное время в науке толковалось неоднозначно.

Л.М. Карнеева понимала под доказательствами сведения о фактах¹⁰, П.А.

---

⁸ Дорохов В. Я. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. редактор Н. В. Жогин. М., 1990. С. 199.

⁹ Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / под ред. П. А. Лупинской. М., 2013. – С. 254.

¹⁰ Карнеева Л. М. Доказательства в советском уголовном процессе. М., 1989. С. 17.

Лупинская - доказательственные факты¹¹, из единства фактов и сведений о фактах исходили Г.Ф. Горский и Л.Д. Кокорев¹² и другие.

Исходя из того что в самом общем виде факт - это объективная реальность, существующая независимо от человека, Л.М. Карнеева, в частности, отмечала, что понимание доказательств в качестве сведений о фактах исключает их толкование в качестве фактов. Факт, фигурирующий в логическом доказательстве, - это знание, выведенное на основании сведений о фактах (доказательствах), которое нельзя путать с самими доказательствами¹³.

В настоящее время большинство ученых придерживается первой позиции. В УПК РФ законодатель подвел итог давней дискуссии в уголовном процессе, заменив в ст. 74 термин «фактические данные» на более широкое понятие «любые сведения», на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном законом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

В теоретическом смысле термин «факт» нередко трактуется как фрагмент объективной действительности, действительное, реально существующее, невымышленное событие, нечто реальное, в противоположность вымышленному. Однако это лишь одно из значений данного понятия. Не менее важным является второе его значение – «синоним понятия «истина», «знание, достоверность которого доказана».

В любом случае при использовании в трактовке доказательства как термина «фактические данные», так и термина «данные о фактах» нельзя отождествлять доказательство как факт, поскольку под фактами понимают истинные, проверенные, вполне установленные на научном уровне знания об объективной действительности.

Таким образом, уголовно-процессуальными доказательствами признаются лишь такие фактические данные, которые закреплены в предусмотренной за-

---

¹¹ Уголовно-процессуальное право Российской Федерации. Учебник / под ред. П.А. Лупинской. М., 2013. С. 253.

¹² Горский Г.Ф. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. М., 1986. С. 101.

¹³ Карнеева Л. М. Доказательства в советском уголовном процессе. М., 1989. С. 18.

коном форме и содержатся в предусмотренном законом источнике, в котором и закреплены фактические данные.

Такое определение вполне согласуется с ч. 2 ст. 74 УПК, где говорится о том, что в качестве доказательств допускаются показания подозреваемого, обвиняемого, показания потерпевшего, свидетеля, заключение и показания эксперта, заключение и показания специалиста, вещественные доказательства, протоколы следственных и судебных действий, иные документы.

В подтверждение данной позиции можно также сослаться на Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 169п03пр от 18.06.2003 по делу Ашировой Е.С. Президиум подчеркнул, что согласно ст. 220 УПК РФ в обвинительном заключении следователь наряду с другими обстоятельствами обязан привести перечень доказательств, подтверждающих обвинение. В соответствии со ст. 74 УПК РФ доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. В ч. 2 ст. 74 УПК РФ перечисляются источники доказательств, к которым относятся показания подозреваемого и обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, заключение и показания эксперта, вещественные доказательства, протоколы следственных и судебных действий, иные документы. В ст. ст. 76 - 81 УПК РФ дается определение понятий каждого из доказательств. При таких обстоятельствах надлежит признать, что в соответствии со ст. 220 УПК РФ следователь обязан сослаться не только на источник доказательств, как это имеет место в обвинительном заключении по данному делу, но и привести сами сведения, составляющие их содержание как доказательств¹⁴.

Таким образом, сущность доказательств как сведений о фактах выражается, во-первых, в том, что в их качестве могут выступать любые относящиеся к делу сведения, и, во-вторых, в том, что доказательство по уголовному делу вы-

---

¹⁴ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 18 июня 2003 г. № 169п03пр // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. №1. С. 55.

ступает в единстве своего содержания и процессуальной формы фиксации этих сведений. Иными словами, уголовно-процессуальными доказательствами признаются лишь такие сведения о фактах, которые закреплены в предусмотренной уголовно-процессуальным законом форме и содержатся в предусмотренных законом источниках.

1.2 Условия допустимости доказательств

По своей процессуальной форме доказательства должны отвечать следующим обязательным условиям:

- они получены в результате деятельности уполномоченных на то должностных лиц и государственных органов;

- получены из предусмотренного законом источника (ч. 2 ст. 74 УПК). Не могут служить доказательствами по делу анонимные заявления, слухи, домыслы, информация, полученная в результате применения негласных оперативно-розыскных мер, без проверки ее следственным путем;

- получены в установленном законом процессуальном порядке. Даже если сведения получены из законного источника, но с отступлением от регламентированной процессуальной нормой процедуры, достоверность доказательственного материала ставится под сомнение.

- зафиксированы способом, предусмотренным уголовно-процессуальным законом. Если это чьи-то показания, то они должны исходить от лица, обладающего статусом соответствующего участника процесса. Если доказательственная информация устанавливается с помощью предметов, вещей и документов, то они должны быть надлежащим образом процессуально оформлены (зафиксированы в протоколе следственного действия, при производстве которого были обнаружены; их индивидуальные признаки и качественные характеристики описаны в соответствующем протоколе осмотра) и приобщены к делу¹⁵.

Способность доказательств устанавливать наличие или отсутствие искомым по делу обстоятельств получила в теории судопроизводства название относимости доказательств. Относимость - необходимое качество любого доказа-

---

¹⁵ Теория доказывания в уголовном судопроизводстве / А. Р. Белкин. М., 2012. С. 64.

тельства. Если сведения не имеют никакого значения для данного уголовного дела, они не должны признаваться доказательствами. Вместе с тем указанная способность доказательств не всегда несомненна, но может носить и предположительный, вероятностный характер. Так, например, при проведении осмотра места происшествия следователь детально отражает в протоколе этого следственного действия все обнаруженное при осмотре, хотя многие из описанных в протоколе обстоятельств в дальнейшем могут оказаться не имеющими значения для дела. Однако на момент проведения осмотра имеется вероятность того, что любое из обнаруженных следователем обстоятельств может иметь для дела то или иное значение, поэтому они признаются относимыми. Если в ходе дальнейшего производства выяснится, что, на взгляд следователя, собранные сведения отношения к делу не имеют, они тем не менее продолжают оставаться в материалах этого дела, поскольку оценка доказательств осуществляется и другими участниками судопроизводства, которые могут иметь на этот счет иное мнение. Кроме того, не исключено, что в свете вновь собранных по делу доказательств эти сведения могут оказаться все же значимыми для дела.

Согласно указанному определению доказательства должны быть получены лишь в порядке, определенном УПК. Соответствие доказательства требованиям норм уголовно-процессуального права называют допустимостью доказательства. Вместе со свойством относимости она создает достаточные условия для признания сведений доказательством по делу. Отступление от установленной правовой формы может привести к недопустимости доказательства, лишению его юридической силы и невозможности использования в процессе доказывания. По буквальному смыслу ч. 1 ст. 75 недопустимость доказательства связывается с нарушением лишь требований самого Кодекса, однако согласно ч. 2 ст. 50 Конституции РФ «при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона». Конституция, таким образом, признает недопустимыми доказательства, собранные субъектами доказывания с нарушением любого федерального закона, а не только УПК. Конституционная норма в случае коллизии имеет преимуще-

ство перед отраслевой, поэтому ч. 1 ст. 75 УПК следует, на наш взгляд, толковать расширительно – в соответствии с текстом Конституции РФ. В противном случае доказательства, полученные органом дознания, например, в результате незаконных оперативно-розыскных мероприятий и приобщенные к делу с внешним соблюдением уголовно-процессуальной формы, могли бы считаться допустимыми. Например, оперативными сотрудниками органа дознания была проведена проверочная закупка наркотического вещества с последующим проникновением в жилище против воли проживающих в нем лиц без получения на то предварительного разрешения суда, несмотря на то, что этого требует ч. 2 ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Если изъятые или выданные в ходе такой закупки наркотическое вещество и денежные купюры были осмотрены с соблюдением процессуальных правил, то по прямому смыслу ч. 1 ст. 75 УПК они должны были бы признаваться допустимыми доказательствами, ибо требования Кодекса формально нарушены не были. Однако это противоречит Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» и Конституции РФ, поэтому собранные таким способом доказательства на самом деле недопустимы. Иное может привести к подмене процессуальных действий оперативно-розыскными в целях незаконного добывания будущих доказательств, когда процессуальная форма используется в качестве «ширмы» для нарушения конституционных прав личности.

Для российского судопроизводства вопрос, связанный с допустимостью доказательств, является актуальным, поскольку более 95% доказательств собираются именно в ходе производства предварительного расследования, где отсутствует состязательность, гласность, а орудует однобоко-обвинительная, карательно-репрессивная процедура.

Верно определение недопустимости доказательств, данное Л.Д. Калинкиной: «К недопустимости доказательств должны приводить нарушения требований уголовно-процессуальных норм относительно субъекта, оснований, условий, гарантированных законом прав участников уголовного судопроизводства и порядка производства и процессуального оформления результатов следствен-

ных действий, которые привели к недостоверности доказательственной информации или поставили под неустранимое сомнение ее достоверность»¹⁶.

И. Я. Фойницкий определял само понятие допустимости доказательств через призму первичности (надежности) одних и вторичности (сомнительности) других. В частности, автор определял следующие условия допустимости доказательств: а) вторичное доказательство может быть допустимо лишь при доказанной невозможности получения первичного; б) подлинность его должна быть точно удостоверена; в) при невозможности выбора между различными способами воспроизведения первичного доказательства предпочтение должно быть отдано тем, которые предполагают меньше усмотрения и ошибки; г) вторичное доказательство как воспроизведение первичного предполагает указание определенного доказательства в смысле законном и замену его; д) от вторичных доказательств нужно равным образом отличать и не допускать в суд такие способы доказывания, которые не принадлежат к установленным законом¹⁷.

В результате анализа норм УПК РФ, следует выделить следующие критерии допустимости доказательств относительно формы закрепления сведений, на основе которых возможно установить обстоятельства совершенного преступления:

- соблюдение гарантированных Конституцией РФ прав человека и гражданина при собирании доказательств;
- получение доказательств только из предусмотренных законом источников;
- получение доказательств уполномоченным на то должностным органом или лицом;
- использование только указанных в законе процессуальных действий;
- соблюдение надлежащего порядка проведения и оформления процессуальных действий.

---

¹⁶ Калинкина Л. Д. Нарушения уголовно-процессуального закона и их правовые последствия по УПК РФ // Проблемные вопросы применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Мат-лы науч.-практ. конф. / Морд. гос. ун-т. им. Н.П. Огарева, Мордов. гуманит. ин-т, Прокуратура РМ и др.; под ред. В.Т. Томина, Л.Д. Калинкиной. Саранск, 2002. С. 82.

¹⁷ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. М., 1991. С. 254.

При этом любые ли нарушения требований норм УПК РФ ведут к их ничтожности? Данный вопрос красной нитью проходит сквозь производство каждого уголовного дела. Содержание норм ч. 2 ст. 50 Конституции РФ и ст. 75 УПК РФ буквально означает, что любое нарушение федерального закона влечет за собой недопустимость доказательства, полученного в ходе соответствующего процессуального действия.

Под нарушениями уголовно-процессуального закона понимаются отступления государственных органов и должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу, а также других субъектов процесса и лиц, не являющихся субъектами уголовно-процессуальной деятельности, от предписаний (требований) уголовно-процессуальных норм.

Допущенные нарушения уголовно-процессуального закона при производстве следственного действия должны оцениваться с учетом их характера, тяжести и влияния на доброкачественность, достоверность доказательственной информации, полученной, проверенной или оцененной с помощью следственных действий. Только лишь существенность допущенного нарушения уголовно-процессуального закона должна влечь за собой такие серьезные правовые последствия, каковыми является признание юридически недействительными результатов его производства. Иное означало бы формалистский подход к данному вопросу и приводило бы к бессмысленной утрате важной доказательственной информации. А этого делать нельзя не только в силу принципиального подхода к решению этого вопроса в прежнем УПК РСФСР на уровне целого ряда статей, а именно: ст. ст. 323, 345, 379 и т.д., в которых законодатель концептуально высказывался за различие существенных и несущественных нарушений уголовно-процессуального закона и их правовых последствий, но и в силу принципиального подхода к пониманию данного вопроса на практике.

На практике сложилось обыкновение, по которому лишь существенное нарушение требований уголовно-процессуального закона при назначении, производстве и процессуальном оформлении хода и результатов следственных действий влечет за собой недопустимость их использования при доказывании

обстоятельств совершенного преступления. В случае если возможности по собиранию, проверке, оценке доказательственной информации с помощью тех же следственных действий не утрачены, то они могут быть повторно проведены в законном режиме в целях устранения ранее допущенных в ходе их производства существенных нарушений уголовно-процессуального закона.

Справедливо было бы оценивать факты нарушения закона при собирании, проверке и оценке доказательств третьими лицами, не заинтересованными в исходе дела. Поскольку практика свидетельствует, что оценка допустимости доказательства в установлении обстоятельств совершенного преступления лицом, совершившим нарушения закона при собирании, проверке и оценке доказательств, является профанацией, поскольку очевидно, что признавать собственные нарушения человеку несвойственно. «Человек по своей природе склонен к самооправданию своих поступков. Защитная аргументация (рационализация) является распространенным защитно-адаптивным механизмом психики личности и состоит в том, что человек придумывает на первый взгляд логичные суждения для ложного объяснения своих действий, давая им такое толкование, которое согласуется с его представлением о себе, о своих жизненных принципах, о своем идеальном образе. Это является средством сохранения самоуважения личности - собственного положительного представления о себе, а также того положительного представления, которое, по его мнению, другие имеют о его личности»¹⁸.

К признанию доказательств недопустимыми ведут не ошибки, как это подчас представляется в процессуальной литературе и на практике, а именно нарушения, допущенные следователем, дознавателем, прокурором, судом при собирании, проверке и оценке доказательств.

Конституционный Суд РФ при этом также указывает в своих решениях, что «отсутствие возможности пересмотреть ошибочный судебный акт не согласуется с универсальным в судопроизводстве требованием эффективного вос-

---

¹⁸ Палиева О. Н. О процессуальном порядке признания доказательств недопустимыми // Актуальные проблемы современной науки IV Международная научно-практическая конференция. 2015. № 1. С. 196-197.

становления в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости, умаляет и ограничивает данное право»¹⁹.

Подобными выводами вышестоящие судебные инстанции покрывают незаконную деятельность, объективно вменяя безнаказанность, сводя роль дознавателей, следователей, судей к уровню секретарш, допускающих ошибки в протоколе заседания. Всякое нарушение уголовно-процессуального закона - это правонарушение, т.е. виновное и противоправное деяние, которое отрицательно сказывается на осуществлении назначения уголовного судопроизводства и реализации прав участников процесса. Оно может быть совершено в форме действия либо бездействия. Вина при этом выражается в форме умысла или неосторожности. Правонарушение состоит либо в неисполнении юридической обязанности, либо в злоупотреблении правом.

В результате несоблюдения уголовно-процессуальных норм могут наступить существенные и несущественные для уголовного дела нарушения, чем и предопределяется деление ранее в УПК РСФСР в ст. 345, а сегодня в процессуальной литературе нарушений на существенные и несущественные.

Под существенным нарушением уголовно-процессуального закона следует понимать нарушение, выражающееся в отступлении государственных органов и должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу, а также участников процесса от предписаний (требований) уголовно-процессуальных норм, которое путем лишения или стеснения гарантированных законом прав участников процесса либо иным способом помешало всесторонне расследовать или рассматривать дело и повлекло либо могло повлечь постановление незаконного и необоснованного уголовно-процессуального решения.

Несущественные нарушения уголовно-процессуального закона - это такие нарушения субъектами уголовного процесса предписаний уголовно-процессуальных норм, которые не влекут и не могут повлечь существенные для уголовного дела последствия: односторонность и неполноту исследования об-

---

¹⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 02.02.1996 № 4-П «По делу о проверке конституционности п. 5 ч. 2 ст. 371 УПК РСФСР, ч. 3 ст. 374 и п. 4 ч. 2 ст. 384 УПК РСФСР в связи с жалобами граждан В.М. Кульнеева, В.С. Лалуева, Ю.В. Лукашева и И.П. Серебрянникова» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1996. № 2. С. 23-24.

стоятельств дела и вынесение незаконного и необоснованного уголовно-процессуального решения. Правовые последствия несущественных нарушений уголовно-процессуального законодательства различны для уголовного дела.

Существенные нарушения уголовно-процессуального закона всегда влекут отмену приговора или другого уголовно-процессуального акта. Назначение этой специфической уголовно-процессуальной санкции «состоит в ликвидации отрицательных последствий, в защите права, интереса», «восстановлении прежнего состояния», но этим ее содержание не исчерпывается. Она служит одновременно правовосстановительной и штрафной мерой, так как несет в себе определенные правоограничения в отношении нарушителя. А это уже свойство штрафных санкций. Правоограничения при отмене приговора по указанной причине выражаются в том, что дело направляется на новое рассмотрение в суд, постановивший приговор, но в ином составе либо в другой суд. Отмена незаконного уголовно-процессуального акта в связи с существенным нарушением означает аннулирование приговора или иного уголовно-процессуального решения. Эта санкция «недействительности» сводится, по существу, к отказу считать правомерными наступившие последствия определенного действия.

Судебная практика свидетельствует, что назрела необходимость ее унификации в части разрешения вопросов признания доказательств недопустимыми. Нельзя признать допустимой практику признания доказательства по идентичным нарушениям закона в одном случае допустимым, а в другом - недопустимым доказательством. Ведь правоприменители во всех случаях применяют один закон, действуют в соответствии с ним и во имя его верховенства²⁰.

Унифицировать практику возможно с введением перечня существенных нарушений закона или соответствующих критериев, ведущих к недопустимости доказательства.

---

²⁰ Доля Е. А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. М., 2009. С. 103-104.

2 ХАРАКТЕРИСТИКА ИНСТИТУТА НЕДОПУСТИМЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

2.1 Недопустимые доказательства: понятие и особенности

Допустимость доказательств в уголовном процессе традиционно понимается как важнейшая гарантия законности производства процессуальных действий и соблюдения прав участников уголовного судопроизводства.

В соответствии со ст. 50 Конституции РФ при осуществлении правосудия недопустимо использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона. Согласно ст. 75 УПК РФ доказательства, полученные с нарушением требований УПК РФ, являются недопустимыми, они не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу. Критериев допустимости доказательств современное уголовно-процессуальное законодательство не содержит. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судом Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» разъяснено, что доказательства должны признаваться полученными с нарушением закона, если при их собирании и закреплении были нарушены гарантированные Конституцией РФ права человека и гражданина или установленный уголовно-процессуальным законодательством порядок их собирания и закрепления, а также если собирание и закрепление доказательств осуществлено ненадлежащим лицом или органом либо в результате действий, не предусмотренных процессуальными нормами²¹.

При внедрении в отечественный уголовный процесс положения о недопустимых доказательствах законодатель, по сути, заимствовал соответствующую норму из американского уголовного судопроизводства, заменив лишь выражение о недопустимости нарушения «надлежащей правовой процедуры»

---

²¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 1. С. 3-4.

на недопустимость нарушения требований УПК РФ, однако разница в подходах к трактовке термина «допустимость» сразу дала о себе знать.

Анализируя положения ч. 3 ст. 7 и ст. 75 УПК РФ, С.В. Бажанов обращает внимание на логическую несостоятельность самого понятия «недопустимого доказательства», ибо если допустимость – неотъемлемое свойство доказательства, то любое доказательство по определению должно быть допустимым, или оно просто не является доказательством. В качестве альтернативы «недопустимым доказательствам» он предлагает такой термин, как «ничтожные доказательства»²². Однако, подобная терминологическая реформация едва ли оправдана.

Недопустимые доказательства - это термин, исторически обусловленный, широко использующийся в уголовно-процессуальном законодательстве многих зарубежных государств и даже в международной правоприменительной практике, при этом уголовно-процессуальный институт, обозначаемый данным термином, играет самостоятельную роль в обеспечении баланса прав и законных интересов сторон в уголовном судопроизводстве²³. Соответственно нет никаких оснований рассматривать его как антоним понятия «допустимые доказательства», разработанного отечественными процессуалистами, и исследовать методом «от противного»: исключительно как доказательственную информацию, полученную с нарушением установленной процессуальной формы.

Тем не менее, подобный подход получил достаточно широкое распространение в науке отечественного уголовного процесса. По мнению А. Анисимова, положение о недопустимых доказательствах по своей природе является санкцией, для применения которой достаточно установления факта любого нарушения УПК РФ²⁴.

Так, при рассмотрении одного из дел, Зейский районный суд Амурской

---

²² Бажанов С. В. Семантическая несостоятельность термина «недопустимые доказательства» // Российский следователь. 2007. № 17. С. 14.

²³ Белоковьяльский М. С. Конституционный запрет на использование недопустимых доказательств: проблемы уголовно-процессуальной реализации // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. № 5. С. 19-20.

²⁴ Анисимов А. Допустимость доказательств // Законность. 2007. № 10. С. 20.

области отметил следующее. По смыслу закона исключается возможность опосредованного использования сведений, сообщенных подозреваемым, обвиняемым в отсутствие защитника и впоследствии им не подтвержденных (Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 6 февраля 2004 года № 44-О, от 20 марта 2007 года № 174-О-О).

В связи с изложенным суд признает недопустимыми доказательствами показания свидетелей БЕВ, РВЮ, ЦВА, К, РВЮ, ПЕН в той части, в которой они воспроизводят показания Прилипко об обстоятельствах появления у него тротильных шашек и их хранения, поскольку они даны Прилипко в отсутствие защитника, кроме того, в последующем в присутствии защитника показания в части появления у него тротильных шашек (обнаружил при разборе дома) он не подтвердил. Кроме того, поскольку приговор суда не может быть построен на предположениях, суд не принимает в качестве доказательств показания свидетеля ПЕН в части ее мнения о том, что тротильные шашки Прилипко положил под контейнер, когда работал вместо нее на рынке²⁵.

Другая точка зрения, также получившая распространение, предполагает рассмотрение положения о недопустимых доказательствах в качестве своеобразной собирательной конструкции, включающей основные положения из «правила исключения», заимствованного российским законодателем из англо-американского уголовного судопроизводства, и традиционное для отечественного уголовного процесса понимание допустимости как свойства доказательства²⁶. Е.Л. Маркина рассматривает положение о недопустимых доказательствах как комплексную гарантию: законности действий органов, осуществляющих уголовное преследование; доброкачественности полученных сведений, их достоверности; защиты от необоснованного обвинения; права граждан на справедливое судебное разбирательство; законности принимаемых решений по уголовным делам²⁷. В такой интерпретации положение о

---

²⁵ Приговор Зейского районного суда Амурской области в отношении Прилипко А. А. от 16 апреля 2015 г. // Архив Зейского районного суда Амурской области, 2015.

²⁶ Ульянова Л. Т. Доказательства в уголовном процессе. М., 2013. С. 73.

²⁷ Маркина Е. Л. Допустимость доказательств как гарантия правосудия и прав личности в современном российском уголовном процессе. М., 2002. С. 110-111.

недопустимых доказательствах становится слишком аморфным, правоприменитель, не понимая его назначения, теряет четкие ориентиры при его применении.

В западных странах положение о недопустимых доказательствах действует либо в виде общего правила в условиях отсутствия процессуальной формы как таковой (во всяком случае, на досудебных стадиях уголовного процесса), либо в виде отдельных запретов, и при этом оба этих инструмента предназначены для достижения одной и той же цели - поддержания баланса прав и законных интересов сторон в уголовном судопроизводстве. В УПК РФ эта цель вынесена в ч. 2 ст. 6, посвященной назначению уголовного судопроизводства, и сформулирована следующим образом: «Уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию».

С учетом изложенного выше, цель применения правил о недопустимых доказательствах, как представляется, состоит в восстановлении нарушенных прав посредством признания ничтожным доказательства, после чего стороны возвращаются в положение, по своей сути предшествовавшее процессуальному действию, в ходе которого было допущено нарушение, т.е. происходит восстановление баланса прав и законных интересов сторон в уголовном процессе. Таким образом, в теории уголовного процесса под недопустимыми доказательствами следует понимать сведения, значимые для уголовного дела, которые должны быть в установленном порядке исключены из доказательственной базы по уголовному делу вследствие нарушения закона, которое было допущено в процессе получения и процессуального оформления этих сведений как уголовно-процессуальных доказательств, что привело к фактическому нарушению баланса прав и законных интересов сторон уголовного судопроизводства. Что же касается роли, которую играет положение о недопустимых доказательствах в уголовном процессе, то оно выступает в

качестве уголовно-процессуальной гарантии.

В терминологическом аспекте смысл понятия «гарантия» не сложен: гарантировать – значит обеспечивать. Гарантия может быть определена как условие, обеспечивающее что-либо; обеспечение; условие, обеспечивающее успех чего-либо. Соответственно, правовые гарантии – средства, обеспечивающие претворение в жизнь каких-либо правовых предписаний. При производстве по уголовным делам значение имеют те средства, которые установлены уголовно-процессуальными нормами для осуществления задач уголовного судопроизводства.

Представляется, что, оценивая эффективность той или иной гарантии в уголовном судопроизводстве, необходимо исходить из наличия в законе четко регламентированного механизма ее реализации. Применительно к положению о недопустимых доказательствах в качестве такого механизма выступает наличие уголовно-процессуального института признания доказательств недопустимыми²⁸.

Таким образом, целевое назначение положения о недопустимых доказательствах состоит в восстановлении нарушенных прав посредством признания ничтожным доказательства, после чего стороны возвращаются в положение, по своей сути предшествовавшее процессуальному действию, в ходе которого было допущено нарушение. Недопустимые доказательства необходимо рассматривать как сведения, значимые для уголовного дела, которые должны быть в установленном порядке исключены из доказательственной базы по уголовному делу вследствие нарушения закона, которое было допущено в процессе получения и процессуального оформления этих сведений как уголовно-процессуальных доказательств, что привело к дисбалансу правовых возможностей сторон в уголовном судопроизводстве

Положение о недопустимых доказательствах в российском уголовном процессе представляет собой дополнительную конституционную и уголовно-

---

²⁸ Озеров И. Н. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве: сущность и значение // Проблемы правоохранительной деятельности. 2013. № 2. С. 68.

процессуальную гарантию, которая призвана обеспечить баланс процессуальных возможностей сторон в уголовном судопроизводстве. Конституционная гарантия исключения недопустимых доказательств реализуется посредством закрепления в УПК РФ уголовно-процессуального института признания доказательств недопустимыми, который, хотя и не обособлен на сегодняшний момент в уголовно-процессуальном законе в виде отдельной главы, функционирует как взаимосвязанная совокупность норм, объединенных общим назначением.

2.2 Нарушения уголовно-процессуального закона как основания признания доказательств недопустимыми

На сегодняшний день уголовно-процессуальное законодательство предъявляет повышенные требования к реализации принципа законности. В ч. 1 ст. 75 УПК РФ закреплено, что доказательства, полученные с нарушением требований Уголовно-процессуального закона, являются недопустимыми. В ст. 345 УПК РСФСР указывалось, что существенными нарушениями уголовно-процессуального закона признаются такие нарушения требований статей настоящего Кодекса, которые путем лишения или стеснения гарантированных законом прав участников процесса при рассмотрении дела или иным путем помешали суду всесторонне разобрать дело и повлияли или могли повлиять на постановление законного и обоснованного приговора. Указанное понятие позволяло правоприменителю в процессе получения доказательств допускать незначительные отступления от требований законодательства, если имелись основания полагать, что они являются несущественными. В действующем Уголовно-процессуальном кодексе такое определение отсутствует. Следовательно, можно сделать вывод о том, что законодателем установлено правило, согласно которому любое нарушение требований закона, допущенное при получении доказательств, служит основанием для признания доказательства недопустимым.

В словаре русского языка слово «нарушить» толкуется как «не выполнить», «не соблюсти»²⁹. В юридической энциклопедии под нарушением по-

---

²⁹ Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 2011. С. 386.

нимается «противоправное действие» либо «бездействие»³⁰.

Недопустимость доказательств – антипод их допустимости. И для того чтобы доказательство отвечало требованиям допустимости, необходимо принять меры, способствующие предупреждению у него признаков недопустимости. Поэтому важно иметь четкое представление о критериях, которые позволяют признать доказательство недопустимым.

Положения ст. 75 УПК РФ устанавливают, что доказательства, являющиеся недопустимыми, не имеют юридической силы. Кроме того, такие доказательства не могут лежать в основе обвинения и использоваться с целью доказывания любого из обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, которые указаны в ст. 73 УПК РФ. В ч. 2 ст. 75 УПК РФ перечислены основания признания доказательств недопустимыми³¹.

Рассматривая нарушения уголовно-процессуального закона в контексте недопустимых доказательств, нельзя не отметить несколько проблем теоретического и практического характера, которые возникают при оценке этих нарушений в качестве оснований для признания доказательств недопустимыми.

Прежде всего, дискуссионным остается вопрос о том, должен ли учитываться при принятии решения о признании доказательств недопустимыми характер допущенного нарушения уголовно-процессуального закона, или достаточно лишь установления факта его совершения³².

Как уже отмечалось, ст. 75 УПК РФ, посвященная недопустимым доказательствам, не дает окончательного ответа на вопрос, какие именно нарушения норм уголовно-процессуального закона при получении доказательств влекут их недопустимость: любые, даже самые незначительные, либо все же существенные. Этот факт открывает широкий простор правоприменителям для интерпретации данной нормы в своих интересах, позиции отечественных процессуалистов по этому поводу также довольно сильно разнятся.

---

³⁰ Тихомирова Л. В. Юридическая энциклопедия / под ред. М. Ю. Тихомирова. М., 2013. С. 470.

³¹ Лютынский А. М. Процессуальный порядок признания доказательств по уголовному делу недопустимыми: некоторые проблемы и решения // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 3. С. 30-31.

³² Бажанов С. В. Семантическая несостоятельность термина «недопустимые доказательства» // Российский следователь. 2007. № 17. С. 14.

Так, согласно точке зрения профессора В.М. Савицкого, всякое нарушение закона при собирании доказательств должно вести к признанию их ничтожности, в противном случае классификация нарушений на существенные и несущественные приведет к косвенному благословению незначительных нарушений закона, потребуется иерархия процессуальных норм по степени их важности и углубится эрозия законности в уголовном судопроизводстве³³.

Другие ученые признают возможность наличия существенных и несущественных нарушений закона при собирании доказательств³⁴. Анализируя обозначенные точки зрения, необходимо отметить, что позиция В.М. Савицкого, настаивающего на «беспощадном исключении» доказательств³⁵, при получении которых наблюдалось абсолютно любое отклонение от предписанной процессуальной формы, не соответствует правосстановительной природе положения о недопустимых доказательствах.

Позиция ученых, разграничивающих существенные и несущественные нарушения процессуальной формы при собирании доказательств, выглядит более предпочтительной, так как она позволяет ориентировать правоприменителя на выявление и нейтрализацию случаев фактического умаления прав участников уголовного судопроизводства. Однако в связи с этим возникает проблема определения критериев существенности нарушений уголовно-процессуального; закона при решении вопроса о признании полученных таким путем доказательств недопустимыми.

В ранее действовавшем УПК РСФСР 1960 года определение понятия существенных нарушений имелось только применительно к основаниям изменения или отмены судебного приговора и давалось в ч. 1 ст. 345 УПК РСФСР. Таковыми считались те нарушения требований статей УПК РСФСР, которые путем лишения или стеснения гарантированных законом прав участников процесса при рассмотрении дела или иным путем помешали суду всесторонне разобрать дело и повлияли или могли повлиять на постановление

---

³³ Савицкий В. М. Уголовный процесс: Словарь-справочник. М., 2013. С. 104.

³⁴ Короленко И. И. Основания и последствия признания доказательств недопустимыми // Юрист - Правоведь. 2015. № 6. С. 42-43.

³⁵ Савицкий В. М. Уголовный процесс: Словарь-справочник / В. М. Савицкий. М., 2013. С. 128.

законного и обоснованного приговора.

УПК РФ не содержит понятия существенного нарушения, однако в ч. 1 ст. 389.17 УПК РФ содержится определение «существенные нарушения уголовно-процессуального закона», которые путем лишения или ограничения гарантированных УПК РФ прав участников уголовного судопроизводства, несоблюдения процедуры судопроизводства или иным путем повлияли или могли повлиять на вынесение законного и обоснованного судебного решения.

Решение о признании доказательств недопустимыми, как правило, принимается в условиях куда большей неопределенности, в том числе и в досудебных стадиях уголовного судопроизводства. При этом перед правоприменителем стоит более локальная задача: установить факт нарушения баланса прав и законных интересов сторон в конкретной правоприменительной ситуации и нейтрализовать его посредством исключения недопустимого доказательства.

Таким образом, введение рассматриваемой нормы в УПК РФ не снимает для отечественной науки уголовного процесса задачу по выработке наглядных критериев оценки существенности нарушений уголовно-процессуального закона в ходе принятия решения о признании доказательств недопустимыми, соответствующих назначению данной уголовно- процессуальной категории в уголовном процессе России.

Между тем среди отечественных процессуалистов на сегодняшний день не сложилось какой-либо общепринятой позиции по данному вопросу. Предлагая те или иные критерии, отечественные процессуалисты используют совершенно разные подходы: одни, решая вопрос о существенности нарушения, исходят из того, какие нормы закона были нарушены (например, уголовно-правовые в случае с нарушениями, носящими преступный характер); другие – оценивают только те последствия, которые повлекло это нарушение для возможности участника уголовного судопроизводства по реализации своих прав и законных интересов; третьи - учитывают исключительно влияние нарушения на свойства информации, используемой в качестве уголовно-

процессуального доказательства³⁶.

Конструкция российского типа уголовного процесса такова, что достижение баланса прав, и законных интересов различных участников уголовного судопроизводства прежде всего, обуславливается; самой структурой уголовно-процессуального законодательства, а в этой структуре роль фундамента отведена, именно принципам уголовного процесса. Таким образом, нарушения принципов уголовного судопроизводства представляют собой первый, отдельный блок нарушений, которые; безусловно, должны признаваться существенными при оценке допустимости уголовно-процессуальных доказательств.

Достаточно распространенной; в уголовно-процессуальной; литературе является; точка зрения, относительно недопустимости нарушений в ходе собирания доказательств конституционных прав и свобод человека. Безусловно, прямое нарушение конституционных; прав и свобод человека в ходе правоотношений, складывающихся в любой сфере жизнедеятельности, недопустимо, однако, ввиду общего характера большинства конституционных норм, подобный критерий, на наш взгляд, не обладает достаточной наглядностью и конкретностью, необходимыми для уголовного судопроизводства.

Следует отметить, что конституционные права и свободы человека в рамках уголовного судопроизводства конкретизируются и трансформируются в процессуальные права и законные интересы участников уголовного процесса. Кроме того, многие процессуальные права обусловлены началами состязательности и законности в уголовном судопроизводстве. В свою очередь, процессуальные права в своей совокупности создают для участников уголовного процесса целый комплекс возможных форм поведения в различных правоприменительных ситуациях, возникающих в ходе уголовного судопроизводства.

---

³⁶ Лютынский А. М. Процессуальный порядок признания доказательств по уголовному делу недопустимыми: некоторые проблемы и решения // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 3. С. 31-32.

Здесь нельзя забывать, что российский уголовный процесс ориентирован на реализацию идеи состязательности и в определенной степени предусматривает «соревнование» сторон по уголовному делу посредством осуществления ими своих процессуальных прав и обязанностей. Поэтому принципиальное значение для дальнейшего производства по делу приобретает наличие у сторон фактической возможности реализовать гарантированные им УПК РФ права в той или иной конкретной ситуации. Ограничение возможности сторон по фактическому осуществлению своих прав в ходе уголовного судопроизводства, обусловленное нарушениями, допущенными при собирании доказательств, безусловно, должно влечь недопустимость полученных доказательств.

Вместе с тем нельзя забывать и том, что налицо должно быть именно фактическое умаление прав сторон в уголовном судопроизводстве, поэтому если участнику уголовного судопроизводства не были разъяснены его права, но он ими пользовался, либо если существуют достаточные основания полагать, что у участника на момент совершения нарушения не было заинтересованности по реализации своих прав, то нет причин для применения положения о недопустимых доказательствах³⁷.

Наглядным примером может служить ситуация с обеспечением реализации права лица не свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом. Если это право не было разъяснено лицу до начала производства процессуального действия, то это, безусловно, является существенным нарушением. Эта позиция отражена в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах применения судами Конституции РФ при осуществлении правосудия» от 31 октября 1995 года № 8³⁸. Однако если ходатайство об исключении доказательства было заявлено в ходе предварительного слушания

---

³⁷ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. И.Л. Петрухин. М., 2014. С. 194.

³⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 1. С. 4-5.

(в том числе и стороной обвинения), как это обычно бывает, а само лицо в ходе производства предварительного следствия фактически не свидетельствовало против себя и своих близких (например, когда сведения, содержащиеся в показаниях обвиняемого, подтверждают обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности), то у суда нет оснований констатировать, что имело место какое-либо фактическое умаление прав участников уголовного судопроизводства.

Так, З. был остановлен по дороге домой сотрудниками милиции, осуществлявшими проверку данных о хищении топлива, принадлежавшего работодателю. Обнаружив две канистры топлива в автомобиле заявителя и не разъяснив его права, сотрудники милиции допросили его на месте и принудили к подписанию протокола осмотра, в котором он признавал, что слил топливо со служебного автомобиля. Впоследствии заявителю было предложено подписать объяснения о том, что он изъясил топливо для личного пользования, а также с признанием того, что он уведомлен о своем праве не свидетельствовать против себя. Протокол осмотра и объяснение были направлены дознавателю, который сообщил руководству о наличии признаков состава преступления. 2 марта 2001 г. заявителю было предъявлено обвинение в хищении, и он подписал постановление о привлечении в качестве обвиняемого, признав, что ему были разъяснены суть обвинения и его права; он также указал, что не нуждается в защитнике. Во время судебного разбирательства заявитель, который был представлен адвокатом, представил счет, который, по его мнению, доказывал, что он приобрел топливо законным порядком. Однако суд первой инстанции признал счет недопустимым доказательством на том основании, что его следовало представить ранее. Он также отклонил показания двух свидетелей защиты, найдя их недостоверными по причине тесной связи свидетелей с заявителем. Заявитель был признан виновным и приговорен к условному сроку лишения свободы. Вынесенный ему приговор был оставлен без изменения при рассмотрении жалобы.

Рассматривая жалобу З., Европейский Суд по правам человека отметил,

что прежде всего, суд первой инстанции прямо сослался на самооговаривающие показания, которые заявитель дал милиции, в протоколе осмотра и впоследствии. Кроме того, национальные суды не привели достаточных оснований для отклонения его доводов, оспаривавших допустимость таких показаний. Наконец, суд первой инстанции отклонил показания свидетелей защиты со ссылкой на их тесную связь с заявителем и отказался принять в качестве доказательства счет, который предположительно свидетельствовал о покупке топлива заявителем. В итоге суд первой инстанции признал заявителя виновным на основе показаний, которые последний дал, не будучи уведомленным о своем праве не свидетельствовать против себя³⁹.

Таким образом, в качестве критериев существенности нарушений уголовно-процессуального закона, допущенных в ходе собирания доказательств, помимо нарушений принципов уголовного судопроизводства, следует рассматривать неустранимое ущемление возможности по реализации процессуальных прав сторон, если обстоятельства дела не свидетельствуют об отсутствии у сторон заинтересованности в реализации этих прав.

Введение подобного критерия, позволит отойти от слишком широкого понятия «нарушение прав участников уголовного судопроизводства» (которое можно усмотреть абсолютно в любом отклонении от предписанной процессуальной формы) в пользу более конкретного, предусматривающего необоснованное ограничение интересов сторон, которые фактически имели место быть при производстве процессуальных действий, направленных на собирание доказательств по конкретному уголовному делу.

Деление нарушений уголовно-процессуального, закона на существенные и несущественные вовсе не означает, что одна норма уголовно-процессуального права главнее другой: Несущественными могут быть нарушения (для обоснования конкретного процессуального решения), но не сами нормы, уголовно-процессуального права. Поэтому нарушение, которое явля-

---

³⁹ Постановление Европейского Суда по правам человека от 18.02.2010 «Александр Зайченко (Aleksandr Zaichenko) против Российской Федерации» (жалоба № 39660/02) [рус., англ.] // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2010. № 9. С. 85 - 96.

ется несущественным в; качестве основания для. признания доказательства; недопустимым, может быть, признано существенным для проведения дополнительных следственных и иных процессуальных действий с целью его устранения либо для отстранения следователя (дознателя), допустившего данное нарушение, от дальнейшего производства расследования. Иными словами, при оценке допустимости доказательств правоприменителю надлежит выявлять любые нарушения установленной уголовно-процессуальной формы, каждое из них должно влечь определенные последствия как для лица, допустившего эти нарушения, так и для уголовного дела в целом, однако далеко не любое нарушение, допущенное при производстве процессуальных действий, влечет за собой признание полученного доказательства недопустимым⁴⁰.

Дискуссионным также продолжает оставаться вопрос, нарушения каких нормативно-правовых актов, допущенные на различных этапах получения доказательственной информации, являются существенными при последующей оценке допустимости доказательств⁴¹. В соответствии с ч. 1 ст. 75 УПК РФ недопустимыми являются доказательства, полученные с нарушением требований «настоящего Кодекса» (то есть самого УПК РФ). Рассматривая вопрос о соотношении ч. 2 ст. 50 Конституции РФ и ст. 75 УПК РФ, можно отметить, что в уголовно-процессуальном законе сфера недопустимых доказательств несколько сужена по сравнению с конституционной нормой. В Конституции недопустимыми признаются нарушения любого закона при собирании доказательств, а не только уголовно-процессуального.

На наш взгляд, нарушения федерального законодательства при определении допустимости уголовно-процессуальных доказательств необходимо оценивать по аналогии с нарушениями норм УПК РФ с учетом установленных критериев существенности.

Существенное нарушение уголовно-процессуального закона - это

---

⁴⁰ Смирнов А. В. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под общ. ред. А. В. Смирнова. М., 2013. С. 162.

⁴¹ Белоковильский М. С. Работа адвоката с недопустимыми доказательствами в уголовном процессе: базовые положения и рекомендации // Адвокатская практика. 2008. № 5. С. 47-48.

выразившееся в несоблюдении норм (нормы) уголовно-процессуального права деяние, совершенное субъектом уголовно-процессуальных правоотношений в форме действия либо бездействия, нарушающее принципы уголовного судопроизводства либо повлекшее неустранимые сомнения в достоверности полученных таким образом доказательств, а равно неустранимое ущемление возможности по реализации процессуальных прав участниками уголовного процесса, если обстоятельства дела не свидетельствуют об отсутствии у сторон заинтересованности в реализации этих прав.

Исходя из данных положений, целесообразным представляется внесение следующих изменений в ст. 75 УПК РФ.

Во-первых, законодательное определение недопустимых доказательств, содержащееся в ч. 1 ст. 75 УПК РФ, необходимо заменить на формулировку следующего содержания: «Доказательства, полученные с существенным (фундаментальным) нарушением требований уголовно- процессуального законодательства, являются недопустимыми».

Во-вторых, в ч. 2 ст. 75 УПК РФ, посвященной видам недопустимых доказательств, целесообразно закрепить критерии существенности нарушений уголовно-процессуального закона путем изменения редакции п. 3 ч. 2 ст. 75 УПК РФ и дополнения ч. 2 двумя новыми пунктами. Таким образом, ч. 2 ст. 75 УПК РФ должна быть изложена в следующей редакции:

«К недопустимым доказательствам относятся...

1) доказательства, полученные с нарушением принципов и общих условий уголовного судопроизводства;

2) доказательства, полученные с нарушением требований уголовно-процессуального закона, которое повлекло фактическое ограничение возможности участников уголовного судопроизводства по реализации своих прав и законных интересов;

3) доказательства, полученные с нарушением требований уголовно-процессуального закона, которое повлекло неустранимые сомнения в их дос-

товерности»⁴².

2.3 Процессуальные основания признания доказательств недопустимыми и их характеристика

Процессуальные основания признания доказательств недопустимыми можно разделить на три группы (вида). К первой относятся нарушения принципов уголовного процесса, ко второй – нарушения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. В третью группу целесообразно отнести как нарушения, которые влекут возникновение неустранимых сомнений в достоверности доказательств, так и нарушения, допущенные в ходе получения доказательств за рубежом в рамках осуществления международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства. Собираемый характер третьей группы оснований признания доказательств недопустимыми обусловлен спецификой критериев существенности нарушений уголовно-процессуального законодательства; в первых двух группах существенность отчасти определяется особенностями нарушенной уголовно-процессуальной нормы (принципы и общие условия уголовного судопроизводства, а также права и законные интересы его участников устанавливаются конкретными нормами УПК РФ), в последней – существенность определяется в основном наступившими последствиями нарушения.

Целесообразность данной классификации проявляется в том, что она позволяет четко и наиболее наглядно для правоприменителя структурировать всю совокупность случаев признания доказательств недопустимыми, исходя из характера конкретных оснований, необходимых для принятия такого решения. Кроме того, предлагаемая классификация позволит во многом систематизировать и упорядочить существующую на сегодняшний день разрозненную правоприменительную практику. Рассмотрим каждую из выделенных групп оснований признания доказательств недопустимыми

---

⁴² Зубарев А. А. Институт признания доказательств недопустимыми в уголовном процессе и правовые последствия его применения : монография. М., 2012. С. 94-95.

подробнее.

Система принципов в УПК РФ закреплена законодателем в главе второй, которая называется «Принципы уголовного судопроизводства». Однако необходимо отметить, что, кроме принципов, уголовно-процессуальный закон содержит ряд общих условий, которые представляют собой вторичные по отношению к принципам положения, предназначенные для обеспечения реализации последних, а также дающие разъяснение тех или иных требований принципов. В УПК РФ законодатель выделил общие условия предварительного расследования (гл. 21 УПК РФ) и общие условия судебного разбирательства (гл. 35 УПК РФ), ряд общих условий содержится также в главе 3 УПК РФ, посвященной уголовному преследованию, и в разделе 3 УПК РФ, регламентирующем особенности доказательств и доказывания в уголовном судопроизводстве⁴³.

Так, постановлением президиума Амурского областного суда от 14 октября 2013 года приговор и кассационное определение отменены, уголовное дело возвращено прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом. В соответствии с положениями, содержащимися в п. 5 ч. 1 ст. 27 и ч. 1 ст. 75 УПК РФ, наличие неотменённого постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по тому же факту в отношении того же лица исключает дальнейшее производство по делу в отношении этого лица, а доказательства, полученные с нарушением требований УПК РФ, являются недопустимыми, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения. Из материалов дела следует, что 20 января 2011 года начальник Свободненского почтамта УФСП Амурской области обратился в ОВД по г. Свободному и Свободненскому району с заявлением о привлечении А. к уголовной ответственности за мошенничество.

По результатам проведённой проверки по данному материалу начальником КМ ОВД по г. Свободному и Свободненскому району 30 января 2011 года

---

⁴³ Зейналов И. З. Недостаточность оснований для признания доказательств недопустимыми // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2012. № 1. С. 42-43.

и 24 февраля 2011 года выносились постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении А. в связи с отсутствием в его действиях состава преступления, которые были отменены надзирающим прокурором 04 февраля 2011 года и 01 марта 2011 года соответственно.

14 марта 2011 года начальником ОВД по г. Свободному и Свободненскому району в возбуждении уголовного дела в отношении А. по факту мошеннических действий вновь отказано на основании п.2 ч.1 ст.24 УПК РФ в связи с отсутствием состава преступления.

28 марта 2011 года старшим следователем СО ОВД по г. Свободному и Свободненскому району в отношении А. возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного ч.3 ст.30, ч.4 ст.159 УК РФ, по факту покушения на хищение денежных средств, принадлежащих ФГУП «Почта России». Однако сведений об отмене постановления начальника ОВД по г. Свободному и Свободненскому району об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении А. от 14 марта 2011 года в материалах не имеется.

Изложенное свидетельствует о том, что уголовное дело в отношении А. было возбуждено и все доказательства по данному делу получены при наличии неотменённого постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по тому же факту в отношении того же лица, что являлось обстоятельством, исключая возможность постановления судом приговора. Учитывая указанные обстоятельства, президиум отменил приговор и кассационное определение и направил дело прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом⁴⁴.

В ст. 7 УПК РФ закреплён принцип законности при производстве по уголовному делу. Несомненно, что все содержание уголовного процесса направлено на обеспечение реализации этого принципа, однако как в рамках досудебного производства, так и на судебных стадиях уголовного процесса существуют основные общие условия, гарантирующие соблюдение принципа

---

⁴⁴ Постановление президиума Амурского областного суда от 14 октября 2013 года №44-ку-112/13 // Архив Амурского областного суда, 2013.

законности при производстве по уголовному делу. Применительно к теме представленной работы наибольший интерес представляет анализ общих условий собирания доказательств в уголовном судопроизводстве.

Итак, прежде всего доказательство может быть получено только надлежащим субъектом, то есть лицом, правомочным по данному делу проводить надлежащее процессуальное действие. Полномочия должностного лица на производство предварительного расследования по уголовному делу в целом или на производство конкретного следственного действия определяет следующая совокупность обстоятельств:

- служебная принадлежность к органу государства, на который прямым указанием закона возложена обязанность производства предварительного расследования по уголовным делам. Иногда по устным указаниям руководителей правоохранительных органов следственные действия проводят стажеры или практиканты, что является существенным нарушением закона;

- наличие соответствующего должностного статуса в этом органе. Например, следователь или дознаватель назначаются на эту должность в определенном, установленном законом порядке. При этом следователь или дознаватель, находящийся на излечении и имеющий листок временной нетрудоспособности либо находящийся в отпуске, не вправе проводить следственные действия, так как в соответствии с трудовым законодательством не находится при исполнении служебных обязанностей;

- принятие дела к своему производству или включение в следственную группу. Необходимо наличие процессуального акта, подтверждающего полномочия лица на проведение предварительного расследования (постановления о возбуждении уголовного дела и принятии его к своему производству, либо постановления о принятии дела к своему производству, либо постановления прокурора или начальника следственного отдела о создании следственной группы);

- исполнение отдельного письменного поручения следователя на производство конкретного следственного действия. Если орган дознания провел

следственные действия после передачи дела по подследственности без поручения следователя о производстве отдельных следственных действий, то это является существенным нарушением закона;

– отсутствие обстоятельств, исключающих участие в уголовном судопроизводстве (ст. 61-68 УПК РФ);

– соблюдение правил о подследственности уголовных дел; временные рамки, в которых следователь или дознаватель обладают полномочиями на ведение дела: с момента принятия его к производству до момента принятия решения об окончании предварительного расследования (в том числе и прекращения дела), во время выполнения органом дознания неотложных следственных действий или до момента истечения сроков производства предварительного расследования.

Нарушение указанных требований влечет за собой признание полученных доказательств недопустимыми⁴⁵.

Так, в уголовном деле, возбужденном по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 188 УК РФ по факту перемещения через таможенную границу РФ наркотического вещества гражданином Х., протокол осмотра места происшествия был составлен инспектором таможенного поста, в компетенцию которого входит только составление протокола о нарушении таможенных правил. Этим же инспектором было изъято наркотическое вещество в качестве вещественного доказательства. Поскольку доказательства были получены и оформлены ненадлежащим лицом, прокурор признал их недопустимыми⁴⁶.

В качестве следующего общего условия обеспечения законности при собирании доказательств выступает установление определенных требований к источнику доказательственной информации:

– источник информации должен быть предусмотрен законом. Реальные условия доказывания часто требуют определения законной процедуры введения в уголовный процесс сведений, которые по своему содержанию имеют

---

⁴⁵ Крупницкая В. И. Состязательность уголовного процесса и гарантии допустимости доказательств // Юристъ - Правоведь. 2007. № 3. С. 46-47.

⁴⁶ Обзор кассационной практики судебной коллегии по уголовным делам Амурского областного суда за 2011 год // Архив Амурского областного суда, 2011.

значение для дела, но в первоначальной форме свойством допустимости не обладают (оперативно-розыскные данные, сведения, полученные в ходе административной деятельности и т.д.);

– источник информации должен отвечать требованиям надежности. Например, действующее уголовно-процессуальное законодательство исключает использование в доказывании показаний, полученных под воздействием гипноза, поскольку этот способ получения доказательственной информации осуществляется без контроля за ходом процедуры со стороны допрашиваемого лица, который превращается из субъекта уголовного судопроизводства в беспомощный объект исследования. Допрос - это процессуальное действие, и никакие непроцессуальные методы при его проведении применяться не могут;

– отсутствие в законе прямого запрета на использование данного источника. Так, не разрешается использовать в качестве доказательств показания, полученные от лиц, которых нельзя допрашивать в качестве свидетеля. Использование в качестве источника сведений лиц, перечисленных в ст. 56 УПК РФ, является прямым нарушением процессуального закона, поэтому такие доказательства всегда будут недопустимыми.

Так приговором Свободненского городского суда от 27 августа 2013 года В. осуждён за незаконное хранение без цели сбыта наркотических средств в крупном размере по ч.1 ст. 228 УК РФ к 1 году лишения свободы, с применением ст. 73 УК РФ условно с испытательным сроком 6 месяцев. В приговоре суд сослался на показания сотрудника полиции Г. о содержании объяснений осуждённого В., данных им после проведения личного досмотра, на протокол осмотра предметов (документов), в котором отражены объяснения В., и на постановление о признании и приобщении к уголовному делу вещественных доказательств - объяснения В. как на доказательства вины осуждённого. Однако суд не учёл правовую позицию Конституционного Суда РФ, выраженную в Определении от 6 февраля 2004 года № 44-О, согласно которой ч. 3 ст. 56 УПК РФ, определяющая круг лиц, которые не могут быть допрошены в качестве свидетелей, не исключает возможности допроса

сотрудников правоохранительных органов, дознавателя и следователя, рассматривавших сообщение о преступлении или проводивших предварительное расследование по уголовному делу, в качестве свидетелей, в том числе об обстоятельствах производства отдельных следственных и иных процессуальных действий.

Вместе с тем эти положения, подлежащие применению в системной связи с другими нормами уголовно-процессуального законодательства, не дают оснований рассматривать их как позволяющие суду допрашивать дознавателя и следователя о содержании показаний, данных в ходе досудебного производства подозреваемым или обвиняемым, и как допускающие возможность восстановления содержания этих показаний вопреки закреплённому в п.1 ч.2ст. 75УПК РФ правилу, согласно которому пояснения лица, данные в ходе проверки сообщения о преступлении или показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника и не подтвержденные подозреваемым, обвиняемым в суде, относятся к недопустимым. Тем самым закон, исходя из предписания ст. 50 (ч. 2) Конституции РФ, исключает возможность любого, прямого или опосредованного, использования содержащихся в них сведений, что, согласно сформулированной Конституционным Судом РФ правовой позиции, является одной из важных гарантий права каждого не быть обязанным свидетельствовать против себя самого (ст.51 ч.1 Конституции РФ).

Судебной коллегией по уголовным делам Амурского областного суда от 22 октября 2013 года приговор в отношении В. изменён, указанные выше доказательства исключены из приговора⁴⁷;

– психические свойства и состояния лица – носителя информации о факте, позволяющие ему правильно воспринимать и оценивать факты реальной действительности и давать о них правильные показания.

Так, приговором Мазановского районного суда от 30 августа 2013 года Г.

---

⁴⁷ Апелляционное постановление Амурского областного суда от 22.10.2013 года № 22-1733/13 // Архив Амурского областного суда, 2013.

осуждён по пп. «а», «в», «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ к 2 годам лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии общего режима, Х.- по пп. «а», «в» ч. 2 ст. 161 УК РФ к 1 году 6 месяцам лишения свободы с отбыванием наказания в воспитательной колонии; наряду с наказанием Х., имеющему психическое расстройство, не исключающее вменяемости, назначено амбулаторное принудительное наблюдение и лечение у психиатра по месту отбывания наказания. Суд, приводя в приговоре показания Х., данные на предварительном следствии в качестве обвиняемого, протокол проверки его показаний на месте в качестве доказательств вины осуждённых, не учёл, что при проведении указанных следственных действий с обвиняемым Х., который не достиг шестнадцатилетнего возраста и страдал психическим расстройством, не было обеспечено участие педагога, которое в соответствии с ч. 3 ст. 425 УПК РФ является обязательным. Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Амурского областного суда от 31 октября 2013 года приговор изменён, из приговора исключена ссылка суда на указанные доказательства, которые в силу ст. 75 УПК РФ являются недопустимыми⁴⁸.

Последним необходимым условием обеспечения законности в ходе собирания доказательств и одновременно обязательным условием их допустимости является получение доказательства только способом, прямо предусмотренным законом (ч. 1 ст. 86 УПК РФ).

Очевидно, что получение доказательства способом, не регламентированным уголовно-процессуальным законом, является ярко выраженным признаком недопустимости доказательства⁴⁹. В качестве еще одного основания для признания доказательства недопустимым следует выделять ненадлежащее процессуальное действие, используемое для получения доказательств.

Так, приговором Райчихинского городского суда от 26 июня 2013 года Г. осуждён за 2 покушения на незаконный сбыт наркотических средств в крупном размере по ч.3 ст.30,п. «б» ч.2 ст.228.1 УК РФ (по факту от 5 апреля 2012 год и

---

⁴⁸ Апелляционное определение Амурского областного суда от 31.10.2013 года № 22-1801/13 // Архив Амурского областного суда, 2013.

⁴⁹ Некрасов С. В. Юридическая сила доказательств в уголовном судопроизводстве. М., 2004. С. 79-80.

фактам от 6 и 16 июня 2012 года). В обоснование своего вывода о виновности Г. в покушении на незаконный сбыт 16 июня 2012 года наркотического средства – гашишного масла массой 2,55 г Н., действовавшей в рамках оперативно-розыскного мероприятия «проверочная закупка», суд в приговоре сослался, в том числе на доказательства, полученные в результате проведенного 16 июня 2012 года ОРМ «проверочная закупка». При этом суд не учёл, что проведение повторной «проверочной закупки» наркотических средств возможно, когда возникает необходимость установить обстоятельства, не выявленные в результате первоначальной закупки (например, установить личность продавца, соучастников преступления, каналы связи продавца с поставщиками или изготовителями наркотиков и т.д.).

Материалы дела свидетельствуют о том, что сотрудники УФСКН после того, как 5 апреля и 6 июня 2012 года были проведены оперативно-розыскные мероприятия «проверочная закупка» наркотических средств, в нарушение требований ст.2 Федерального закона от 12 августа 1995 года №144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» не пресекли незаконные действия Г., а вновь 16 июня 2012 года провели однотипное оперативно-розыскное мероприятие «проверочная закупка» наркотических средств в отношении установленного лица – Г., в связи с чем результаты указанного оперативно-розыскного мероприятия являются недопустимым доказательством. Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Амурского областного суда от 22 августа 2013 года приговор изменён, исключено осуждение Г. за покушение на незаконный сбыт наркотического средства в крупном размере 16 июня 2012 года⁵⁰.

Так, например, в правоприменительной практике часто встречаются случаи смешения обыска с таким следственным действием, как выемка.

Согласно ч. 1 ст. 183 УПК РФ выемка производится в случае, если точно известно, где и у кого находятся подлежащие изъятию предметы и документы.

---

⁵⁰ Апелляционное определение Амурского областного суда от 22.08.2013 года № 22-1418/13 // Архив Амурского областного суда, 2013.

Таким образом, данное следственное действие в отличие от обыска не предусматривает проведения каких-либо поисковых операций, поэтому, если по какой-либо причине подлежащий изъятию предмет не будет обнаружен в заранее оговоренном месте, дальнейший поиск его в рамках следственного действия «выемка» приведет к признанию полученных таким образом доказательств недопустимыми.

Еще один интересный случай признания доказательств недопустимыми имеет место в случае нарушения позитивных правил о допустимости доказательств, которые, указывают, что для установления некоторых обстоятельств дела необходимы определенные доказательства. Примером таких правил в УПК РФ служит обязательное назначение судебной экспертизы (ст. 196 УПК РФ).

Итак, законность, безусловно, является центральным принципом уголовного судопроизводства, остальные принципы во многом развивают его положения, однако это вовсе не значит, что прямые их нарушения не являются существенными при оценке допустимости доказательств. Некоторые из них, например уважение чести и достоинства личности (ст. 9 УПК РФ), неприкосновенность личности (ст. 10 УПК РФ), создают дополнительные гарантии обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, поэтому общими условиями их реализации выступают нормы, закрепляющие конкретные процессуальные права. Другие принципы обеспечивают упорядоченность и оптимизированность уголовного процесса в соответствии с его назначением, в качестве общих условий их реализации выступает определенный блок правил, закрепленных в УПК РФ, например, общими условиями реализации принципа осуществления правосудия только судом являются положения о полномочиях и составе суда (ст. ст. 29, 30 УПК РФ), а также правила подсудности (ст. ст. 31-36 УПК РФ). Нарушение этих общих условий в ходе собирания доказательств в любой из стадий уголовного судопроизводства, безусловно, ведет к признанию доказательств недопустимыми.

Однако далеко не все правоприменительные ситуации так однозначны. Достаточно интересная коллизия возникает при одновременной практической

реализации требований принципа охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (ч. 3 ст. 11 УПК РФ), касающихся обеспечения безопасности участников уголовного процесса, и принципа обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту (ст. 16 УПК РФ).

Следующая группа оснований признания доказательств недопустимыми, которую мы необходимо рассмотреть, связана с нарушением прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Права, свободы и законные интересы человека на сегодняшний день, несомненно, составляют сердцевину, центральный узел всей российской правовой системы, и уголовный процесс не является исключением⁵¹.

Многие права участников уголовного процесса получили в УПК РФ закрепление в качестве принципов уголовного судопроизводства, например: ст. 9 (уважение чести и достоинства личности), ст. 10 (неприкосновенность личности), ст. 11 (охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве), ст. 12 (неприкосновенность жилища) и др. Эти правила наделяют участников уголовного судопроизводства правомочием распоряжаться предоставленными им уголовно-процессуальным законом правами, надлежащим образом использовать или не использовать предоставленные им права. Правила, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством, предоставляют участникам уголовного судопроизводства простор для выбора поведения в определенной ситуации.

Отдельные права лиц при производстве тех или иных процессуальных действий закреплены в статьях УПК РФ, посвященных порядку их производства (например, право допрашиваемого лица пользоваться документами и записями при проведении допроса (ч. 3 ст. 189 УПК РФ), право законного представителя присутствовать при допросе несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля (ч. 1 ст. 191 УПК РФ) и т.д.). Прежде всего, следует обратиться к п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, в соответствии с которым недопустимыми признаются показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе

---

⁵¹ Уголовный процесс: учебник для вузов / под ред. В. И. Радченко. М., 2015. С. 45-46.

досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, и не подтвержденные обвиняемым, подозреваемым в суде. Хотя в данной формулировке напрямую не указано на конкретные нарушения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, по мнению большинства отечественных процессуалистов, рассматриваемая норма призвана обезопасить подозреваемого (обвиняемого) от незаконного воздействия в ходе допроса с целью «выбивания» у него признательных показаний⁵².

Так, остановимся на одном из дел, рассмотренным Европейским Судом по правам человека. Заявителя задержали по подозрению в убийстве. Он утверждал, что через некоторое время после задержания сотрудники милиции сильно его избили. В результате он дал показания о том, чем он занимался в день убийства. Жалобы заявителя на жестокое обращение с ним были отклонены, и суд, использовав его первоначальные показания, признал его виновным в убийстве. Впоследствии вынесенный заявителю обвинительный приговор был оставлен без изменения вышестоящим судом.

Европейский Суд решил, что причиненные заявителю телесные повреждения достигли минимального уровня жестокости, необходимого, чтобы на них распространяла действие статья 3 Конвенции. Европейский Суд отметил, что власти Российской Федерации так и не возбудили уголовного дела по утверждениям заявителя о жестоком обращении с ним, а в рамках следствия по уголовному делу, возбужденному по факту убийства, эти доводы были проверены недостаточно тщательно. В связи с этим Европейский Суд констатировал нарушение процессуальных требований статьи 3 Конвенции. Кроме того, поскольку власти Российской Федерации не предоставили правдоподобного объяснения по поводу того, каким образом заявитель получил телесные повреждения, описанные в многочисленных медицинских справках, Европейский Суд пришел к выводу, что по делу также имело место нарушение материально-правовых требований статьи 3 Конвенции.

---

⁵² Доля Е. А. Конституционность п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ // Законность. 2007. № 5. С. 45-46.

Далее, несмотря на то, что вышестоящий суд исключил из приговора все ссылки на показания, которые заявитель дал сотрудникам милиции, данные показания не были признаны недопустимыми доказательствами и остались в материалах дела. По мнению Европейского Суда, это сделало несправедливым все судебное разбирательство по делу заявителя в целом и привело к нарушению пункта 1 статьи 6 Конвенции. Также Европейский Суд отметил, что, когда заявитель давал сотрудникам милиции спорные показания, у него не было адвоката. Напомнив, что у обвиняемого должна быть возможность пользоваться услугами адвоката с момента лишения свободы, и не только во время допросов, Европейский Суд установил в связи с этим нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в сочетании с подпунктом «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции⁵³.

По мнению Е.Е. Центрова, ст. 75 УПК РФ имеет следующие недостатки: 1) неточная формулировка этой новеллы, препятствуя установлению истины по делу, может привести к осуждению невиновного; 2) норма может использоваться как уловка для того, чтобы дискредитировать собранные по делу доказательства; 3) ограничивается свобода волеизъявления подозреваемого, обвиняемого, его право на выбор способа защиты. А это, в свою очередь, противоречит ч. 2 ст. 45 Конституции РФ, устанавливающей, что «каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом», а также сводит на нет значение ч. 4 ст. 50 и ст. 52 УПК, регламентирующих порядок отказа подозреваемого, обвиняемого от защитника⁵⁴.

Ряд исследователей указывает на то, что данное положение фактически устанавливает правило, по которому защитник должен участвовать в каждом уголовном деле, так как в противном случае доказательства обвинения в суде могут утратить свою юридическую силу, что повлечет вынесение оправдательного приговора, только из-за того, что подозреваемый, обвиняемый, ис-

---

⁵³ Постановление Европейского Суда по правам человека от 30.04.2015 «Дело «Шамардаков (Shamardakov) против Российской Федерации» (жалоба № 13810/04) // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2015. № 11. С. 74-82.

⁵⁴ Центров Е. Е. Новеллы уголовно-процессуального закона и конституционные права и свободы человека // Законность. 2003. № 7. С. 19-20.

пользуя свое право, отказался от защитника.

Подобная практика обязательного назначения защитников порождает парадоксальную ситуацию, на которую справедливо обращает внимание Р. Куссмауль: «Ограничивается право на защиту именно тех обвиняемых и подозреваемых, которые имеют защитника, по сравнению с теми, кто защищается самостоятельно»⁵⁵.

Так, суд апелляционной инстанции, изменяя определением от 13 октября 2014 года приговор, указал, что из материалов уголовного дела следует, что оперуполномоченный полиции П. выезжал на место происшествия и доставлял осужденного С. в отделение полиции п. Ярославский, где оперуполномоченный полиции Б. принял объяснение от осужденного и составил протокол явки С. с повинной о совершении им кражи, а следователь З. в период с 15 января по 23 января 2014 года осуществляла расследование по данному уголовному делу.

Данные лица допрашивались в качестве свидетелей по ходатайству прокурора, и суд привел их показания в приговоре в качестве доказательств вины С., при этом данные свидетели лишь воспроизводили события производства по уголовному делу и ставшие им известными из объяснений С, данных им во время производства предварительного расследования в отсутствие защитника, и не подтвержденные им впоследствии в судебном заседании.

Положения ч. 5 ст. 246 и ч. 3 ст. 278 УПК РФ, предоставляющие государственному обвинителю право ходатайствовать о вызове в суд свидетелей и допрашивать их, а также ч. 3 ст. 56 УПК РФ, определяющая круг лиц, которые не могут быть допрошены в качестве свидетелей, не исключают возможность допроса дознавателя и следователя, проводивших предварительное расследование по уголовному делу, в качестве свидетелей, в том числе об обстоятельствах производства отдельных следственных и иных процессуальных действий.

Вместе с тем эти положения, подлежащие применению в системной связи с другими нормами уголовно-процессуального законодательства, не дают оснований рассматривать их как позволяющие суду допрашивать дознавателя или

---

⁵⁵ Куссмауль Р. Дискриминационная норма нового УПК // Российская юстиция. 2002. № 9. С. 32.

следователя о содержании показаний, данных в ходе досудебного производства подозреваемым или обвиняемым, и как допускающие возможность восстановления содержания этих показаний, вопреки закреплённому в п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ правилу. Тем самым закон, исходя из положений ст. 50 Конституции РФ, исключает возможность любого прямого или опосредованного использования содержащихся в ранее данных показаниях подозреваемого или обвиняемого сведений, которые в силу требования закона являются недопустимыми.

Учитывая, что исключение показаний свидетелей Б., П., и З. из приговора не повлияло на доказанность вины С. в совершении им преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 3 ст. 158, ч. 2 ст. 228 УК РФ, судебная коллегия, исключив из приговора данные доказательства как недопустимые, в остальной части приговор оставила без изменения⁵⁶.

Таким образом, можно сделать вывод, что фактическое лишение подозреваемого и обвиняемого права на отказ от защитника не способствует обеспечению защиты их прав и законных интересов. По сути, п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ презюмирует противоправность одного из способов собирания доказательств в отсутствие защитника, смещая акценты с оценки действительно имевших место фактов незаконного «воздействия» со стороны правоохранительных органов на проверку соблюдения формальностей, касающихся участия защитника при проведении допроса.

Еще один обширный блок нарушений прав участников уголовного процесса на этапе предварительного расследования тесно связан с вопросом правообеспечения. Обеспечение прав участников уголовного процесса – одна из основных задач правоприменителя. В ходе собирания доказательств эта задача реализуется посредством осуществления правообеспечительных операций, которые представляют собой «облеченные в правовую форму действия, посредством которых лицо, производящее дознание, следователь, прокурор и суд обеспечивают возможность реализации прав, предоставленных

---

⁵⁶ Обзор судебной практики кассационной и апелляционной инстанций по уголовным делам Приморского краевого суда за 12 месяцев 2014 года // Бюллетень судебной практики. 2015. № 1. С. 12.

уголовно-процессуальным законом гражданам и лицам, участвующим в собирании доказательств. Наглядно это выражается в создании правоприменителем условий для того, чтобы участники процессуальной деятельности могли реально реализовать свои законные интересы, например разъяснение им права задавать вопросы на очной ставке, вносить дополнения и уточнения в протоколы и т.д. При этом все правообеспечительные операции закреплены нормами УПК РФ и являются одной из составляющих процессуальной формы доказательств.

Анализ правоприменительной практики показывает, что единой общепризнанной позиции по оценке нарушений, допущенных при осуществлении правообеспечительных операций, у практических работников не имеется. С одной стороны большое количество ходатайств стороны защиты о признании доказательств недопустимыми по данному основанию не удовлетворяется судом без какой-либо последовательной аргументации принятого решения, с другой – отдельные нарушения в ходе осуществления правообеспечительных операций априори признаются существенными для решения вопроса о признании доказательств недопустимыми, без анализа того, как эти нарушения фактически повлияли на осуществление участниками уголовного судопроизводства своих прав и законных интересов. Подобные примеры можно подобрать при осуществлении практически любых следственных действий.

Правообеспечительные операции непосредственно закреплены в УПК РФ и их осуществление строго обязательно, однако, само по себе оно далеко не всегда влияет на фактическое соблюдение тех или иных прав, а значит, и не всегда влияет на допустимость доказательств. Так, если допрашиваемому лицу не было разъяснено его право не свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, но в полученных показаниях содержались только сведения, оправдывающие его самого или близких, то данное нарушение не должно влиять на допустимость доказательства. Лицо здесь не было в установленном законом порядке уведомлено о наличии у него

определенной возможности (права), но фактически ее реализовало. Во всех подобных ситуациях сторона обвинения имеет право доказывать, что, несмотря на допущенное нарушение, фактического ущемления права участника уголовного судопроизводства не произошло.

Так, подсудимым Г. было заявлено ходатайство об исключении из числа доказательств сведений, содержащихся в протоколе его допроса в качестве обвиняемого, поскольку обвинение ему было предъявлено с нарушением закона, а именно в отсутствие защитника, что подтверждалось отсутствием подписи адвоката на постановлении о привлечении в качестве обвиняемого. Государственным обвинителем было заявлено ходатайство о вызове и допросе адвоката, осуществлявшего защиту Г. в период предварительного следствия. Сторона защиты высказывала против этого возражения, ссылаясь на положение статьи 56 УПК Российской Федерации, согласно которому адвокат не подлежит допросу в качестве свидетеля об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с обращением к нему за юридической помощью или в связи с ее оказанием. Однако суд удовлетворил ходатайство государственного обвинителя, сославшись на то, что вопросы об обстоятельствах, ставших известными адвокату в связи с обращением к нему за юридической помощью, исследоваться не будут, а подлежит исследованию только процедура предъявления обвинения. Сведения, сообщенные адвокатом во время допроса, были положены в основу отказа в удовлетворении заявленного Г. ходатайства.

В дальнейшем Г. обратился в Конституционный Суд РФ, оспаривая конституционность пункта 3 части третьей статьи 56 УПК Российской Федерации, которая, по его мнению, позволяет следователю, государственному обвинителю и суду без согласия обвиняемого вызывать и допрашивать адвоката в качестве свидетеля в целях выяснения обстоятельств его участия (неучастия) в качестве защитника на предварительном следствии или в судебном разбирательстве, а полученные от адвоката сведения использовать для опровержения доводов обвиняемого. Отказывая в принятии к рассмотрению жалобы, Конституционный Суд РФ указал, что суд вправе задавать адвокату

вопросы относительно имевших место нарушений уголовно-процессуального закона, не исследуя при этом информацию, конфиденциально доверенную лицом адвокату, а также иную информацию об обстоятельствах дела, которая стала ему известна в связи с его профессиональной деятельностью⁵⁷.

Таким образом, при оценке существенности нарушений, допущенных правоприменителем в ходе осуществления правообеспечительных операций, следует, прежде всего, исходить из того, как эти нарушения повлияли на наличие реальной возможности участника уголовного судопроизводства по реализации своих прав и законных интересов. При этом в случае заявления стороной защиты ходатайства перед судом о признании доказательства недопустимым вследствие нарушения нормы УПК РФ, регламентирующей права и законные интересы участников уголовного судопроизводства, сторона обвинения имеет право доказывать, что соответствующее лицо фактически использовало предоставленную ему законом возможность либо что на момент совершения нарушения у лица не было заинтересованности в реализации имеющихся прав.

В рамках последнего блока нарушений, выступающих в качестве оснований для признания доказательств недопустимыми, следует рассмотреть нарушения, влекущие возникновение неустранимых сомнений в достоверности доказательства; а также существенные нарушения, допущенные при получении доказательств за рубежом, в ходе осуществления международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства.

Большинство нарушений норм УПК РФ, влекущих недопустимость полученных доказательств и при этом не затрагивающих принципов уголовного судопроизводства, а также прав и законных интересов его участников, так или иначе связано с возникновением неустранимых сомнений в достоверности доказательств. Единственное на сегодняшний день прямо закрепленное в уголовно-процессуальном законе безусловное основание признания

---

⁵⁷ Определение Конституционного Суда РФ от 16 июля 2009 № 970-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гаврилова Александра Михайловича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части третьей статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Документ опубликован не был. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

недопустимыми доказательств, при возникновении неустранимых сомнений в их достоверности, является положение п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ. В соответствии с данной нормой недопустимыми являются «показания потерпевшего, свидетеля, основанные на догадке, предположении, слухе, а также показания свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности». Логика здесь ясна: нужно исключить доказательства, которые не дают возможностей проверки их достоверности.

В УПК РФ отсутствуют исчерпывающие требования к приобщаемым к уголовному делу предметам и документам. В этой связи представляется, что круг сведений, признаваемых недопустимыми по указанным основаниям в российском уголовном судопроизводстве, также необходимо расширить⁵⁸.

Достаточно часто обоснованные сомнения в достоверности доказательств возникают в случае отсутствия в протоколе следственного действия даты или времени его производства, подписи одного из участников либо возникновения противоречий в их показаниях относительно порядка проведения процессуального действия.

Вопрос исключительно важный: влечет ли допущенное в какой-то момент времени в ходе производства следственного действия «дискретное» нарушение закона признание результата недопустимым в целом, или нет? Можно ли исключить из судебного разбирательства по мотивам недопустимости часть протокола? По общему правилу - нет. Требования допустимости протокола следственного действия должны распространяться на весь протокол. Однако анализ судебной практики не дает права утверждать это категорично. Основными ориентирами при принятии решения, принимаемого на основе внутреннего убеждения, согласно ст. 17 УПК РФ «Свобода оценки доказательств», в этом случае являются достоверность результатов и последствия принимаемого решения с точки зрения возможности вынесения законного, обоснованного, справедливого решения по делу. Следовательно, для

---

⁵⁸ Балакшин В. С. Признание доказательств недопустимыми и исключение их из процесса доказывания на стадии предварительного расследования // Проблемы права. 2015. № 2. С. 129-130.

правоприменителя должна оставаться возможность для дифференциации доказательственной информации, то есть оценки доказательств с точки зрения не единого массива информации, содержащейся в предусмотренном законом источнике, а относительно самостоятельных ее блоков, каждый из которых связан единым смыслом и подтверждает либо опровергает одно или несколько обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу⁵⁹.

Завершая рассмотрение нарушений УПК РФ, влекущих неустранимые сомнения в достоверности доказательства, хотелось бы остановиться на некоторых общих правилах фиксации доказательственной информации, выполнение которых обеспечивает возможность использования доказательств в уголовном процессе. К таким правилам можно отнести своевременность (безотлагательность), объективность, полноту и надежность фиксации. К сожалению, прямого закрепления в УПК РФ эти правила не получили. Однако это вовсе не значит, что их неисполнение не имеет существенного значения для определения допустимости полученных доказательств.

Так, практике уже известны случаи признания оформления протоколов следственных действий неразборчивым почерком существенным нарушением уголовно-процессуального закона: «При подготовке дела С. и Щ. к назначению судебного заседания судья пришел к выводу о невозможности проверки материалов дела в судебном заседании с точки зрения достаточности доказательств, поскольку протоколы основных следственных действий следователь написал таким почерком, который фактически невозможно прочесть ввиду его своеобразия и значительного отступления от правил каллиграфии, что является существенным нарушением уголовно-процессуального закона, препятствующим проведению судебного заседания и не позволяющим принять решение согласно ст. 221 УПК РСФСР»⁶⁰. Подобное решение в данном случае, безусловно, является обоснованным, поскольку у суда фактически не имеется возможности получить достоверную информацию о характере проведенных

---

⁵⁹ Мельник В. В. Искусство доказывания в состязательном уголовном процессе. М., 2012. С. 121.

⁶⁰ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 12 сентября 2001 № 746п01пр // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 3. С. 72-73.

следственных действий, так как значительные отклонения от правил фиксации доказательств повсеместно наличествуют в материалах уголовного дела. При этом следует учитывать, что в том случае, когда налицо лишь отдельные подобные нарушения, суду надлежит принять меры по устранению сомнений в достоверности результатов следственных действий (например, путем допроса лиц, участвовавших в их проведении)⁶¹.

Последняя группа недопустимых доказательств, которую мы бы хотели рассмотреть в данном параграфе, связана с существенными нарушениями, допущенными при получении доказательств за рубежом, в ходе осуществления международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства.

Реалии сегодняшнего дня таковы, что преступная деятельность как организованных групп, так и отдельных лиц зачастую выходит за рамки границ конкретных государств. Адекватным ответом на подобные новые вызовы стало решение отечественного законодателя о введении в УПК РФ части 5 «Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства», что, естественно, является новеллой для российского уголовно- процессуального законодательства⁶².

В ходе осуществления международного сотрудничества в форме выполнения иностранным государством запросов правоохранительных органов Российской Федерации о правовой помощи, а также исполнения российскими правоохранительными органами запросов иностранных государств об осуществлении уголовного преследования на территории Российской Федерации, из-за рубежа поступают материалы о расследуемом преступлении (документы, предметы, протоколы). В связи с этим возникает проблема определения их доказательственного значения⁶³.

В ст. 455 УПК РФ, которая называется «Юридическая сила доказательств, порученных на территории иностранного государства», закреплено

---

⁶¹ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. В. И. Радченко, В. Т. Томина, М. П. Полякова. М., 2013. С. 174.

⁶² Худина Т. Ф. Международное взаимодействие правоохранительных органов при расследовании преступлений, связанных с организацией незаконной миграции // Российский следователь. 2008. № 18. С. 37-38.

⁶³ Устинов А. В. Получение показаний подозреваемого и обвиняемого в рамках международно-правового сотрудничества // Законность. 2011. № 2. С. 49-50.

следующее: «Доказательства, полученные на территории иностранного государства его должностными лицами в ходе исполнения ими поручений об оказании правовой помощи по уголовным делам или направленные в Российскую Федерацию в приложении к поручению об осуществлении уголовного преследования в соответствии с международными договорами РФ, международными соглашениями или на основе взаимности, заверенные и переданные в установленном порядке, пользуются такой же юридической силой, как если бы они были получены на территории Российской Федерации в полном соответствии с требованиями УПК РФ».

Буквальное толкование положения ст. 455 УПК РФ может привести к выводу, что оценка российским правоприменителем доказательств, полученных за рубежом, ограничивается исключительно проверкой соблюдения установленного порядка их передачи российской стороне, предусмотренного международными договорами и соглашениями Российской Федерации по данному направлению сотрудничества. Между тем, в конвенциях и международных договорах о правовой помощи на сегодняшний момент практически повсеместно отсутствуют перечни нарушений национальных уголовно-процессуальных законов и международно-правовых требований, влекущих исключение доказательств из процесса доказывания, а, исходя из назначения уголовного судопроизводства, судебно-следственные работники в нашей стране просто не могут признать допустимыми доказательства, если, например, при их получении были нарушены права и свободы человека, гарантированные Конституцией РФ. Таким образом, рассмотренная формулировка едва ли отвечает на вопрос о том, исходя из каких критериев, российский правоприменитель должен оценивать подобные доказательства. В теории уголовного процесса позиции ученых по обозначенной проблеме разнятся настолько, что зачастую являются взаимоисключающими.

В этой связи мы полагаем, что на территории иностранных государств могут быть получены различные виды уголовно-процессуальных доказательств, которые, однако, должны подлежать обязательной оценке со стороны

отечественного правоприменителя. При этом можно выделить два условия, определяющие допустимость либо недопустимость использования подобных доказательств в уголовном судопроизводстве Российской Федерации.

Прежде всего, важное значение имеет соблюдение установленного УПК РФ порядка направления запроса о правовой помощи, а также порядка заверения и передачи материалов, полученных за рубежом, который, как правило, устанавливается международными договорами.

Второе условие допустимости доказательств, полученных на территории иностранного государства, непосредственно связано с порядком проведения самого следственного действия. Первостепенное значение здесь имеет не оценка соблюдения иностранного уголовно-процессуального законодательства или требований УПК РФ, а выявление допущенных при собирании доказательств нарушений общепризнанных принципов уголовного судопроизводства, прав и свобод человека, гарантированных такими международными нормативно-правовыми актами, как Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и Дополнительные протоколы к ней, Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. и так далее⁶⁴.

Следует отметить, что комплекс универсальных международных договоров по правам человека имеет в правовой системе Российской Федерации особый статус. Согласно ч. 1 ст. 17 Конституции РФ, «в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией». Из этого следует, что международно-правовые нормы по правам человека имеют особый приоритетный статус, причем, как видно из формулировки статьи, этот приоритет касается даже норм самой Конституции: законодатель поставил нормы международного права по правам человека перед нормами Конституции⁶⁵.

---

⁶⁴ Литвишко П.А. Некоторые вопросы международного сотрудничества органов предварительного следствия // Международное уголовное право и международная юстиция. 2011. № 4. С. 15-16.

⁶⁵ Уголовный процесс: учебник / под ред. А. П. Гуськовой, А. В. Ендольцевой. М., 2013. С. 549.

Таким образом, нарушения указанных положений, безусловно, должны рассматриваться как основания для признания доказательств недопустимыми.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы. Основания признания доказательств недопустимыми целесообразно структурировать, отталкиваясь от критериев существенности нарушений уголовно-процессуального закона. В соответствии с данными критериями их можно разделить на три группы (вида):

- 1) нарушения принципов уголовного процесса;
- 2) нарушения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства;
- 3) иные нарушения уголовно-процессуального закона, которые включают в себя нарушения, повлекшие неустранимые сомнения в достоверности доказательств, а также нарушения, допущенные в ходе собирания доказательств за рубежом в рамках осуществления международного сотрудничества в сфере уголовного, судопроизводства.

Для реального действия принципов в уголовном судопроизводстве необходимо наличие развернутой системы общих условий их реализации. В этой связи использование института недопустимых доказательств в случае нарушения уголовно-процессуального принципа опосредуется нарушением закрепленного в УПК РФ общего условия функционирования данного принципа. Поэтому наличие в уголовно-процессуальном законе исчерпывающего перечня общих условий обеспечения законности при собирании доказательств позволяет говорить о существовании обширного блока нарушений данного принципа, во всех случаях являющихся существенными при решении вопроса о признании доказательств недопустимыми.

3 ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПРИЗНАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ НЕДОПУСТИМЫМИ: ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ

Признание следователем (дознавателем), прокурором, либо судом доказательства недопустимым, как и любое другое процессуальное решение, влечет за собой соответствующие правовые последствия. В соответствии с нормами УПК РФ (ч. 1 ст. 75, ч. 3 ст. 88, ч. 5 ст. 235) недопустимые доказательства не могут быть положены в основу обвинения или любого судебного решения и использоваться для доказывания любого обстоятельства, предусмотренного ст. 73 УПК РФ, не подлежат включению в обвинительное заключение или обвинительный акт, не могут исследоваться в ходе судебного разбирательства. Однако, по мнению многих ученых, этот перечень не является исчерпывающим: в зависимости от доказательственного значения недопустимой информации, последствия могут выражаться в отмене и изменении процессуальных актов, изменении хода и направления расследования, пределов обвинения, круга лиц, признанных подозреваемыми (обвиняемыми) в совершении преступления, прекращении уголовного преследования, уголовного дела и др. Наличие данных последствий обусловлено назначением института недопустимых доказательств в системе отечественного уголовного судопроизводства, однако их наступление определяется не только решением о признании доказательства недопустимым, но и зависит от того, как исключение отдельного доказательства повлияло на правоприменительную ситуацию, складывающуюся в ходе расследования уголовного дела⁶⁶.

Вся совокупность правовых последствий недопустимых доказательств, установленная ч. 1 ст. 75, ч. 3 ст. 88, ч. 5 ст. 235 УПК РФ, сводится к исключению недопустимого доказательства из процесса доказывания по уголовному делу. Между тем конкретного механизма, посредством которого осуществляется исключение недопустимого доказательства, на сегодняшний день уголовно-процессуальный закон не предусматривает.

---

⁶⁶ Короленко И. И. Основания и последствия признания доказательств недопустимыми // Юрист - Правоведь. 2015. № 6. С. 42-43.

В настоящий момент преобладающей является позиция, согласно которой исключение из процесса доказывания по уголовному делу не означает, что доказательства изымаются из материалов дела или тем более уничтожаются. Они должны сохраняться в деле на случай оспаривания правильности признания их недопустимыми. Поскольку в УПК РФ не предусмотрена процедура фактического изъятия из материалов дела доказательств, признанных недопустимыми, эта позиция соответствует требованиям уголовно-процессуального законодательства. Однако в условиях, когда судья, принимающий решение по уголовному делу, знакомится со всеми материалами, полученными в ходе предварительного расследования, едва ли такое положение дел соответствует назначению института недопустимых доказательств и той роли, которую должно играть это положение в уголовном судопроизводстве⁶⁷.

Задача восстановления нарушенного баланса прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства в случае признания доказательства недопустимым достигается за счет возвращения их в положение, предшествовавшее проведению процессуального действия, в ходе которого было допущено нарушение. Помимо всего прочего, это означает также, что правоприменитель, признавая доказательство недопустимым в досудебных стадиях уголовного процесса, обязан нейтрализовать любое влияние недопустимого доказательства на участников уголовного судопроизводства в ходе дальнейшего производства по уголовному делу, в том числе и на судебных этапах уголовного судопроизводства.

Так, в соответствии с ч. 5 ст. 235 УПК РФ, исключенные доказательства не только не могут быть положены в основу приговора или иного судебного решения, но и вообще не могут исследоваться и использоваться в ходе процесса. В этой связи является логичным, что в суде присяжных не допускается даже упоминание о существовании исключенных доказательств. Ряд

---

⁶⁷ Быков В. М. Процессуальный порядок признания доказательств недопустимыми по УПК РФ // Российский следователь. 2008. № 12. С. 19.

авторов справедливо отмечают, что доказательство, полученное с нарушением закона и исключенное, тем не менее, неизбежно оставляет след в сознании человека, исследовавшего это доказательство. По мнению С.Л. Насонова, ознакомление судьи с материалами дела до судебного следствия может привести к формированию предубеждения, «знания о виновности», что делает судью необъективным и пристрастным в ходе судебного разбирательства⁶⁸.

На наш взгляд, есть основания для постановки вопроса о возможности изъятия из материалов дела доказательств, признанных недопустимыми. Однако данный вопрос нуждается в более детальной проработке и исследовании практических последствий изъятия определенных материалов из уголовного дела. Поскольку на сегодняшний день в российском уголовном процессе недопустимые доказательства физически остаются в материалах дела, есть необходимость во внесении следующих изменений в ч. 2 ст. 88 УПК РФ: «2. В случаях, указанных в части второй статьи 75 настоящего Кодекса, суд, прокурор, следователь, дознаватель признает доказательство недопустимым и принимает меры к нейтрализации его влияния на дальнейшее производство по уголовному делу».

В ч. 1 ст. 75 УПК РФ закреплено, что недопустимые доказательства не могут использоваться для доказывания «любого из обстоятельств, предусмотренных статьей 73 настоящего Кодекса». Таким образом, буквальное толкование положения уголовно-процессуального закона свидетельствует, что исключение доказательства из процесса доказывания по уголовному делу есть обязательное следствие признания его недопустимым.

Однако отечественные процессуалисты далеко не так единодушны в этом вопросе. В частности, многие исследователи полагают, что доказательства, признанные недопустимыми вследствие существенного нарушения закона стороной обвинения при их получении, но, по сути, оправдывающие подозреваемого (обвиняемого), могут по ходатайству стороны защиты использоваться в процессе доказывания по уголовному делу. Эта позиция в теории отече-

---

⁶⁸ Насонов С. А. Судебное следствие в суде присяжных: законодательство, теория, практика. М., 2004. С. 31.

ственного уголовного процесса получила наименование «асимметрии правил о допустимости доказательств»⁶⁹.

В.А. Середнев обосновывает допустимость такого оправдательного доказательства тем, что доказательство становится недопустимым в силу не формального, а «существенного» нарушения закона. При этом под «существенным нарушением», в смысле допустимости доказательства, следует понимать такое нарушение, которое могло нивелировать гарантии права обвиняемого на защиту. Если в результате допущенного нарушения обвиняемый не был лишен права на защиту, нет оснований ставить вопрос о недопустимости такого доказательства⁷⁰. Г.М. Резник отмечает, что «любая тактика защиты, избранная адвокатом, не должна отражаться на его праве использовать сведения, полученные с нарушением порядка производства следственного действия, в качестве оправдательного доказательства»⁷¹.

В определенной степени тезис о возможности использования недопустимых доказательств в интересах стороны защиты подтверждает п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 8 от 31 октября 1995 г., предусматривающего, что «доказательства, полученные с нарушением закона, не могут быть положены в основу обвинения»⁷², и ничего не отметившего относительно других обстоятельств, подлежащих доказыванию.

В то же время многие ученые, опираясь на буквальное толкование ч. 1 ст. 75 УПК РФ, придерживаются противоположной точки зрения. В частности, М.С. Белоковылский полагает, что недопустимые доказательства не могут использоваться ни стороной обвинения, ни стороной защиты⁷³.

По мнению В. Миронова, исходя из существующего уголовно-

---

⁶⁹ Середнев В. А. Признание доказательств недопустимыми в уголовном процессе России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 5-1. С. 164-165.

⁷⁰ Стецовский Ю. И. Конституционный принцип обеспечения обвиняемому права на защиту. М., 1988. С. 74.

⁷¹ Резник Г. М. О допустимости доказательств, тактике защиты и обвинения // Российская юстиция. 1996. № 4. С. 42.

⁷² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 1. С. 2-6.

⁷³ Белоковылский М. С. Конституционный запрет на использование недопустимых доказательств: проблемы уголовно-процессуальной реализации // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. № 5. С. 19-20.

процессуального законодательства, подход, предусматривающий «запрет на использование в процессе доказывания любых сведений, полученных с нарушением установленного порядка», является «правильным по существу»⁷⁴. При этом любой крен в сторону «асимметрии» правил о недопустимости доказательств неприемлем.

Представляется, что оценивать возможность использования недопустимых доказательств в процессе доказывания по уголовному делу необходимо исходя из назначения данного положения в уголовном процессе России, которое состоит в поддержании баланса прав участников уголовного судопроизводства, представляющих сторону обвинения и сторону защиты. С этой точки зрения будет, по меньшей мере, нелогичным, если в качестве «кары» за нарушение стороной обвинения прав и законных интересов стороны защиты, она лишится оправдательного доказательства.

С другой стороны, отказ от применения принципа «асимметрии» открывает дорогу к различным злоупотреблениям со стороны должностных лиц, представляющих сторону обвинения. Так, в случае назначения в ходе предварительного расследования судебной экспертизы по ходатайству стороны защиты, у следователя появляется заинтересованность умышленно не проводить ознакомление подозреваемого, обвиняемого, его защитника с постановлением о назначении экспертизы и разъяснение указанным участникам уголовного процесса их прав, предусмотренных ст. 198 УПК РФ (это прямое нарушение ч. 3 ст. 195 УПК РФ); при проведении освидетельствования по ходатайству стороны защиты следователь (дознатель) может санкционировать проведение фотографирования или видеозаписи без уведомления и получения согласия от освидетельствуемого лица (нарушение ч. 5 ст. 179 УПК РФ) и т.п. В случае если доказательства, полученные с подобными нарушениями, будут оцениваться по формальным признакам допустимости (учитывается только факт нарушения нормы УПК РФ), они, безусловно, будут признаны недопустимыми. Подобными действиями следователь (дознатель)

---

⁷⁴ Миронов В. Правила оценки допустимости доказательств // Законность. 2006. № 5. С. 35 -36.

может просто парализовать возможность стороны защиты по получению оправдательного доказательства.

В этой связи необходимо включить в УПК РФ нормы о возможности использования по ходатайству стороны защиты доказательств, полученных стороной обвинения с нарушением прав и законных интересов подозреваемого, обвиняемого, их законных представителей или защитника. Одновременно с этим в УПК РФ необходимо закрепить аналогичное правило по отношению к потерпевшему, его законному представителю и представителю, так как только в этом случае можно обеспечить реализацию принципа состязательности⁷⁵.

Следует подчеркнуть, что возможность использования доказательства в целях защиты не может быть поставлена в зависимость от того, участвовал ли защитник в следственном действии, проведенном с нарушением УПК, обжаловал ли защитник незаконные действия следователя и т.п. Иное решение вопроса ставило бы под сомнение свободу тактических действий защиты и в итоге нарушило бы право обвиняемого на защиту⁷⁶.

Таким образом, следует признать, что далеко не во всех случаях, когда доказательство признается недопустимым, оно исключается из процесса доказывания по уголовному делу.

В качестве правового последствия признания доказательства недопустимым выступает также исключение из процесса доказывания производных от него доказательств. Данное последствие в отечественном уголовном судопроизводстве является своеобразным аналогом правила «о плодах отравленного дерева» (fruit of poisonous tree doctrine), известного уголовно-процессуальной доктрине США.

Согласно этому правилу, если на основании незаконно добытых доказательств были получены производные доказательства, то они также исключаются из разбирательства дела (как плоды отравленного дерева).

Поскольку данное правило не получило законодательного закрепления в

---

⁷⁵ Меринов Э. А. Основания признания заключения эксперта по уголовному делу недопустимым доказательством в стадии судебного разбирательства // Эксперт-криминалист. 2006. № 4. С. 41-44.

⁷⁶ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Главы 1 – 32.1. Постатейный научно-практический комментарий / отв. ред. Л. А. Воскобитова. М., 2015. С. 128.

отечественном уголовном процессе, споры о целесообразности его применения в российских условиях не утихают. Однако судебная практика в большинстве случаев уже пошла по пути его применения.

Например, по уголовному делу в отношении Ш., обвинявшегося в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 290 УК РФ, адвокат, защищающий интересы Ш., в ходе судебного следствия заявил письменное ходатайство о признании недопустимыми доказательствами результатов оперативного эксперимента и производных от них процессуальных документов. А именно: изъятых и приобщенных к материалам дела аудио- и видеозаписи событий, происходивших в кабинете главы администрации района Ш., заключения фоноскопической экспертизы. Отсутствие необходимых реквизитов на носителях и, как результат, отсутствие достоверных сведений о времени, месте, способе проведения аудио- и видеозаписи свидетельствуют о недостоверности полученных сведений, что ведет к утрате юридической силы у производных доказательств. Заявленное ходатайство суд удовлетворил в полном объеме и признал недопустимыми все доказательства, перечисленные в ходатайстве⁷⁷.

Процессуальные последствия признания доказательств недопустимыми, необходимо рассматривать гораздо шире, нежели просто исключение их из процесса доказывания. В частности, одним из наиболее распространенных последствий недопустимых доказательств для уголовного дела является отмена или изменение процессуального решения.

Отмена процессуальных решений (актов) является так называемой «общей санкцией», охраняющей от нарушений целый комплекс правовых предписаний. При этом по своей природе отмена процессуального решения, в том числе и в случаях признания доказательств недопустимыми, является правовосстановительной санкцией, а также может быть охарактеризована как мера защиты правопорядка. Назначение ее состоит в устранении вреда,

---

⁷⁷ Васяев А. А. Признание доказательств недопустимыми в ходе судебного следствия в суде первой инстанции в российском уголовном процессе: монография. М., 2010. С. 42-44.

причиненного правопорядку, в восстановлении нарушенных прав.

Участниками уголовного судопроизводства, наделенными правом применения мер восстановления правопорядка в виде отмены или изменения незаконного процессуального акта, являются суд (судья), прокурор, руководитель следственного органа и начальник подразделения дознания. Нормативные предписания, содержащие меры данного вида, заключены в следующих статьях УПК РФ: п.4 ч.1 ст. 29; п.6 ч.2 ст. 37; п.п.2,7 4.1 ст. 39; п.3 4.1 ст.40.1; ч.2 ст. 211; п.4 ч.1 ст. 236; ст. 239; п.1 ст. 350; п.п.2,4 ст. 367; ст. 370; ст.ст. 378-387; ст. 408; ст. 418 и других. Так, например, одним их оснований отмены или изменения судебного решения судом кассационной инстанции является обоснование приговора доказательствами, признанными судом недопустимыми (п.9 ч.2 ст. 3 81 УПК РФ).

При осуществлении прокурорского надзора за соблюдением законности органами дознания и предварительного расследования в случае признания доказательств недопустимыми достаточно широко используются меры восстановления правопорядка в виде отмены незаконных постановлений нижестоящего прокурора, дознавателя (п.6 ч. 2 ст. 37 УПК РФ), изменения объема обвинения (путем исключения из обвинительного акта отдельных пунктов обвинения) либо переквалификации действий обвиняемого по статье уголовного закона о менее тяжком преступлении (ч.2 ст. 226 УПК РФ). Несколько реже прокуроры используют меру в виде прекращения уголовного дела (п.3, 4.1 ст. 226 УПК РФ). Изменение постановления о прекращении уголовного дела может иметь место, когда, по мнению прокурора, дело должно быть прекращено по другому основанию, а также когда нуждаются в изменении мотивы прекращения дела.

Весьма широкими полномочиями по использованию мер восстановления правопорядка в случае признания доказательств недопустимыми обладает руководитель следственного органа, который может отменять незаконные или необоснованные постановления как следователя, так и нижестоящего руководителя следственного органа (п.п.2,7 ч.1 ст. 39 УПК РФ). Сходными

полномочиями в виде отмены необоснованных постановлений дознавателя о приостановлении производства дознания по уголовному делу (п. 3 ч. 1 ст. 40.1 УПК РФ) обладает начальник подразделения дознания.

Стоит отметить, что прекращение уголовного дела или уголовного преследования, а равно отказ прокурора от обвинения могут быть следствием лишь исключения значительного количества недопустимых доказательств, которое невозможно восполнить. Так, ч. 7 ст. 246 УПК РФ гласит, что государственный обвинитель может отказаться от обвинения, только если придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение, при этом участникам уголовного судопроизводства (прежде всего, потерпевшему) гарантируется право на обжалование действий обвинителя в случае его отказа от обвинения⁷⁸.

Судья не вправе, исключив какие-либо материалы из разбирательства, по собственной инициативе или по ходатайству стороны защиты, прекращать дело за отсутствием события преступления или ввиду недоказанности участия обвиняемого в его совершении. Однако, если имеющиеся в деле допустимые доказательства не дают оснований для достоверного вывода о виновности конкретного лица, по делу должен быть вынесен оправдательный приговор (ч.ч.2, 4 ст. 302 УПК РФ). Кроме того, обоснование приговора доказательствами, признанными судом недопустимыми, влечёт его отмену кассационной инстанцией (п.9 ч.2 ст. 381 УПК РФ). В литературе отмечаются и другие ошибки в решении вопросов о допустимости доказательств, которые влекут отмену приговора: например, «исследование в судебном заседании недопустимых доказательств, если это могло иметь существенное значение для исхода дела»⁷⁹.

В то же время, как отмечает М. Жук, практика показывает, что по определенным уголовным делам в случае признания лишь одного, но основного доказательства недопустимым в принципе утрачивается, возможность выне-

---

⁷⁸ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. А. Я. Сухарева. М., 2012. С. 182.

⁷⁹ Lupinskaya P. A. Resheniya v уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. М., 2013. С. 78.

сения обвинительного приговора (например, протокола осмотра места происшествия по делам о дорожно-транспортных происшествиях со смертельным исходом, когда при абсолютно противоречивых показаниях сторон этот протокол со схемами и фототаблицами является единственным объективным доказательством вины той или иной стороны в ДТП)⁸⁰.

В каждой конкретной ситуации правоприменитель сам определяет, какие именно меры восстановления правопорядка он будет применять. Однако, исходя из назначения положения о недопустимых доказательствах, необходимо учитывать, что стороны в уголовном процессе могут оспаривать не только сам факт признания доказательства недопустимым, но и те действия, которые предпринял (либо не предпринял) правоприменитель с целью нейтрализации влияния недопустимого доказательства на дальнейшее производство по уголовному делу. Любое последствие недопустимого доказательства от отмены конкретного процессуального решения до прекращения уголовного дела должно быть объективно обусловлено назначением данного уголовно-процессуального института в отечественном уголовном судопроизводстве. Оно состоит в поддержании баланса прав и законных интересов сторон в уголовном судопроизводстве.

На основании рассмотренного в главе материала необходимо сделать следующие выводы. Правовые последствия признания доказательства недопустимым не исчерпываются положениями, перечисленными в УПК РФ (ч. 1 ст. 75, ч. 3 ст. 88, ч. 5 ст. 235). В ряде случаев недопустимость доказательств обуславливает решения правоприменителя об отмене или изменении процессуального акта, изменении объема обвинения, прекращении уголовного преследования, прекращении уголовного дела и др.

Исходя из назначения положения о недопустимых доказательствах в уголовном процессе России, правоприменитель должен стремиться нейтрализовать любое влияние недопустимого доказательства на участников уго-

---

⁸⁰ Жук М. Последствия признания судом доказательств по уголовному делу недопустимыми // Законность. 2007. № 7. С. 16.

ловного судопроизводства. В этой связи следует также согласиться с мнением А. А. Зубарева о том, что законодателю необходимо детально проработать вопрос о возможности изъятия из уголовного дела доказательств, признанных недопустимыми, с целью исключить их влияние на судью в процессе ознакомления с материалами уголовного дела. В настоящее время есть необходимость во внесении следующих изменений в часть 2 статьи 88 УПК РФ: «2. В случаях, указанных в части второй статьи 75 настоящего Кодекса, суд, прокурор, следователь, дознаватель признает доказательство недопустимым и принимает меры к нейтрализации его влияния на дальнейшее производство по уголовному делу»⁸¹.

Все доказательства, полученные непосредственно на основе доказательства, признанного недопустимым, подлежат исключению из процесса доказывания. Однако это правило не распространяется на доказательства, которые лишь опосредованно связаны между собой, а также на доказательства, на процесс получения которых могли оказать косвенное влияние предшествовавшие незаконные действия.

Признание доказательства недопустимым влечет за собой достаточно широкий круг правовых последствий для уголовного дела, связанных с применением судом, прокурором, руководителем следственного органа или начальником подразделения дознания мер восстановления правопорядка, в виде отмены или изменения незаконного процессуального акта, изменения объема обвинения, прекращения уголовного дела (уголовного преследования), отказа прокурора от обвинения, оправдательного приговора. Применение этих мер во многом обуславливается конкретной правоприменительной ситуацией, но при этом сторонам по уголовному делу должно быть гарантировано право оспаривать действия (бездействие) правоприменителя по нейтрализации влияния недопустимого доказательства на дальнейшее производство по уголовному делу.

---

⁸¹ Зубарев А. А. Институт недопустимых доказательств в уголовном процессе России // Научный портал МВД России. 2010. № 9. С. 42.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Резюмируя проведенное исследование, необходимо сделать наиболее важные выводы.

Под недопустимыми доказательствами следует понимать сведения, значимые для уголовного дела, которые должны быть в установленном порядке исключены из доказательственной базы по уголовному делу вследствие нарушения закона, которое было допущено в процессе получения и процессуального оформления этих сведений как уголовно-процессуальных доказательств, что привело к фактическому нарушению баланса прав и законных интересов сторон уголовного судопроизводства.

Исходя из анализа законодательства Российской Федерации, можно выделить следующие правила, несоблюдение которых ведет к признанию доказательств недопустимыми:

- 1) соблюдение гарантированных конституцией прав человека и гражданина при собирании доказательств;
- 2) получение доказательств только из предусмотренного законом источника;
- 3) получение доказательств уполномоченным на то должностным лицом или органом;
- 4) использование только указанных в законе процессуальных действий;
- 5) соблюдение надлежащего порядка проведения и оформления процессуальных действий.

Нарушение вышеперечисленных критериев должно безоговорочно вести к признанию доказательств недопустимыми.

Конституционная гарантия исключения недопустимых доказательств реализуется посредством закрепления в УПК РФ уголовно-процессуального института признания доказательств недопустимыми, нормы которого призваны урегулировать основания, процессуальный порядок и правовые последствия признания доказательственной информации недопустимой и отказа от ее

дальнейшего использования при производстве по уголовному делу. Данный институт, хотя и не обособлен на сегодняшний момент в уголовно-процессуальном законе в виде отдельной главы, функционирует как взаимосвязанная совокупность норм, объединенных общим назначением.

Как верно отмечает А. А. Зубарев, при решении вопроса о признании доказательства недопустимым правоприменитель обязан оценить существенность допущенного нарушения для обеспечения баланса прав и законных интересов сторон в уголовном судопроизводстве. В этой связи необходимо разграничение нарушений уголовно-процессуального закона на существенные (фундаментальные) и несущественные. Соответственно в ч. 1 ст. 75 УПК РФ необходимо внести следующие изменения: «1. Доказательства, полученные с существенным (фундаментальным) нарушением требований уголовно-процессуального законодательства, являются недопустимыми...»

В качестве критериев существенности, определяющих недопустимость доказательств в отечественном уголовном процессе, должны выступать такие последствия нарушений уголовно-процессуального закона, которые повлекли за собой: а) нарушение принципов и общих условий уголовного судопроизводства; б) неустранимое ограничение возможности по реализации процессуальных прав участников уголовного судопроизводства, если обстоятельства дела не свидетельствуют об отсутствии у них заинтересованности в реализации этих прав; в) неустранимые сомнения в достоверности доказательств. Эти критерии необходимо закрепить в УПК РФ путем изменения и дополнения ч. 2 ст. 75 УПК РФ:

«2. К недопустимым доказательствам относятся...

1) доказательства, полученные с нарушением принципов и общих условий уголовного судопроизводства

2) доказательства, полученные с нарушением требований уголовно-процессуального закона, которое повлекло фактическое ограничение возможности участников уголовного судопроизводства по реализации своих прав и законных интересов;

3) доказательства, полученные с нарушением требований уголовно-процессуального закона, которое повлекло неустранимые сомнения в их достоверности»⁸².

Основания признания доказательств недопустимыми целесообразно структурировать, отталкиваясь от критериев существенности нарушений уголовно-процессуального закона. В соответствии с данными критериями можно выделить три группы (вида) подобных оснований:

- 1) нарушения принципов уголовного процесса;
- 2) нарушения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства;
- 3) иные нарушения уголовно-процессуального закона, которые включают в себя нарушения, повлекшие неустранимые сомнения в достоверности доказательств, а также нарушения, допущенные в ходе собирания доказательств за рубежом в рамках осуществления международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства.

Признание доказательства недопустимым влечет за собой определенные правовые последствия для уголовного дела, к ним относятся: исключение недопустимого доказательства из процесса доказывания, отмена или изменение процессуального акта, изменение объема обвинения, отказ прокурора от обвинения, прекращение уголовного преследования, прекращение уголовного дела, оправдательный приговор и др.

Наступление каждого из указанных последствий определяется не просто фактом признания доказательства недопустимым, но и характером реального ущерба правовому статусу участника уголовного судопроизводства, который следует устранить, а также ролью конкретного доказательства в доказательственной базе по уголовному делу. В этой связи неприемлемо ограничительное толкование данного положения как прерогативы какой-либо конкретной стороны в уголовном процессе. С этой целью в ч. 3 ст. 88 УПК РФ

---

⁸² Зубарев А. А. Институт признания доказательств недопустимыми в уголовном процессе и правовые последствия его применения : монография. М., 2012. С. 94-95.

должно быть внесено дополнение о возможности потерпевшего, его законного представителя, представителя заявлять ходатайства об исключении недопустимого доказательства.

В отечественном уголовном процессе исключенное доказательство остается в материалах уголовного дела. Однако, исходя из назначения положения о недопустимых доказательствах в уголовном процессе России, правоприменитель должен стремиться нейтрализовать любое влияние недопустимого доказательства на участников уголовного судопроизводства. В этой связи следует также согласиться с мнением А. А. Зубарева о том, что законодателю необходимо детально проработать вопрос о возможности изъятия из уголовного дела доказательств, признанных недопустимыми, с целью исключить их влияние на судью в процессе ознакомления с материалами уголовного дела. В настоящее время есть необходимость во внесении следующих изменений в часть 2 статьи 88 УПК РФ: «2. В случаях, указанных в части второй статьи 75 настоящего Кодекса, суд, прокурор, следователь, дознаватель признает доказательство недопустимым и принимает меры к нейтрализации его влияния на дальнейшее производство по уголовному делу»⁸³.

---

⁸³ Зубарев А. А. Институт недопустимых доказательств в уголовном процессе России // Научный портал МВД России. 2010. № 9. С. 42.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

I Правовые акты

1 Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12.12.1993 (в ред. ФКЗ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) //Собр. законодательства Российской Федерации. - 2014. – № 31. – Ст. 4398.

2 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. ФЗ от 01.05.2016 № 139-ФЗ) // Собр. законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

3 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. ФЗ от 01.05.2016 № 139-ФЗ) // Собр. законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

4 Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (в ред. ФЗ от 29.06.2015 № 173-ФЗ) «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собр. законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.

II Специальная литература

5 Алиев, Т. Т. Доказательства, понятие, свойства / Т. Т. Алиев, Н. А. Громов, А. И. Гришин // Закон и право. – 2002. – № 3. – С. 22-25.

6 Анисимов, А. Допустимость доказательств / А. Анисимов // Законность. – 2007. – № 10. – С. 19-21.

7 Бажанов, С. В. Семантическая несостоятельность термина «недопустимые доказательства» / С.В. Бажанов // Российский следователь. - 2007. - № 17. - С. 13-15.

8 Балакшин, В. С. Признание доказательств недопустимыми и исключение их из процесса доказывания на стадии предварительного расследования / В. С. Балакшин // Проблемы права. – 2015. – № 2. – С. 128-132.

9 Белкин, Р. С. Собираение, исследование и оценка доказательств / Р.С. Белкин. – М.: Знание, 1989. – 268 с.

10 Белоковылский, М. С. Конституционный запрет на использование не-

допустимых доказательств: проблемы уголовно-процессуальной реализации / М.С. Белоковылский // Сравнительное конституционное обозрение. – 2009. – № 5. – С. 19-20.

11 Белоковылский, М. С. Работа адвоката с недопустимыми доказательствами в уголовном процессе: базовые положения и рекомендации / М.С. Белоковылский // Адвокатская практика. - 2008. - № 5. - С. 46-49.

12 Быков, В. М. Процессуальный порядок признания доказательств недопустимыми по УПК РФ / В.М. Быков // Российский следователь. – 2008. – № 12. – С. 17-20.

13 Васяев, А. А. Признание доказательств недопустимыми в ходе судебного следствия в суде первой инстанции в российском уголовном процессе: монография / А.А. Васяев. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – 176 с.

14 Воробьев, А. В. «Дело Йукоса» как зеркало русской адвокатуры (комплексное исследование в защиту российской адвокатуры и правосудия) / А.В. Воробьев, А.Л. Еньков, П.Ю. Силков, Ю.В. Тихонравов. – М.: Цитадель, 2008. – 800 с.

15 Горский, Г. Ф. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе / Г.Ф.Горский, Л.Д. Кокорев, П.С. Элькинд. – М.: Закон, 1986. – 218 с.

16 Гришина, Е. П. Дискуссионные проблемы допустимости доказательств в науке уголовно-процессуального права (теории «беспощадного исключения доказательств», «плодов отравленного дерева» и «асимметрии правил допустимости») / Е.П. Гришина, С.А. Саушкин, И.В. Абросимов // Мировой судья. – 2008. – № 1. – С. 31-33.

17 Давлетов, А. А. Основы уголовно-процессуального познания / А.А. Давлетов. – М.: Юрайт, 2000. – 218 с.

18 Доля, Е. А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности: монография / Е.А. Доля. – М.: Проспект, 2009. – 376 с.

19 Дорохов, В. Я. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. редактор Н.В. Жогин. – М.: Юридическая литература, 1990. – 306 с.

20 Жук, М. Последствия признания судом доказательств по уголовному делу недопустимыми / М. Жук // Законность. – 2007. – № 7. – С. 15-17.

21 Зейналов, И. З. Недостаточность оснований для признания доказательств недопустимыми / И. З. Зейналов // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2012. – № 1. – С. 40-45.

22 Зубарев, А. А. Институт недопустимых доказательств в уголовном процессе России / А. А. Зубарев // Научный портал МВД России. – 2010. – № 9. – С. 39-43.

23 Зубарев, А. А. Институт признания доказательств недопустимыми в уголовном процессе и правовые последствия его применения : монография / А. А. Зубарев. – М. : Юрайт, 2012. – 148 с.

24 Калинкина, Л. Д. Нарушения уголовно-процессуального закона и их правовые последствия по УПК РФ // Проблемные вопросы применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: мат-лы науч.-практ. конф. / под ред. В.Т. Томина, Л.Д. Калинкиной. – Саранск, 2002. – 194 с.

25 Карнеева, Л. М. Доказательства в советском уголовном процессе / Л.М. Карнеева. – М.: Буква, 1989. – 186 с.

26 Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. И. Л. Петрухин. – М.: Велби, Проспект, 2014. – 718 с.

27 Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. В. И. Радченко, В. Т. Томина, М. П. Полякова. – М.: Юрайт-Издат, 2013. – 1124 с.

28 Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. И. Л. Петрухин. – М.: Велби, Проспект, 2014. – 736 с.

29 Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. А. Я. Сухарева. – М.: Норма, 2012. – 528 с.

30 Короленко, И. И. Основания и последствия признания доказательств недопустимыми / И. И. Короленко, Р. Г. Непранов // Юрист - Правоведь. –

2015. – № 6. – С. 40-45.

31 Крупницкая, В. И. Состязательность уголовного процесса и гарантии допустимости доказательств / В. И. Крупницкая // Юрист - Правоведь. – 2007. – № 3. – С. 45-51.

32 Куссмауль, Р. Дискриминационная норма нового УПК / Р. Куссмауль // Российская юстиция. – 2002. – № 9. – С. 31-32.

33 Литвишко, П. А. Некоторые вопросы международного сотрудничества органов предварительного следствия / П. А. Литвишко // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2011. – № 4. – С. 13-18.

34 Лупинская, П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика / П. А. Лупинская. – М.: Норма, Инфра-М, 2013. – 240 с.

35 Лютынский, А. М. Процессуальный порядок признания доказательств по уголовному делу недопустимыми: некоторые проблемы и решения / А. М. Лютынский, Е. Г. Карташова // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2015. – № 3. – С. 29-32.

36 Маркина, Е. Л. Допустимость доказательств как гарантия правосудия и прав личности в современном российском уголовном процессе / Е.Л. Маркина. – М.: Юрайт Издат, 2002. – 194 с.

37 Мельник, В. В. Искусство доказывания в состязательном уголовном процессе / В.В. Мельник. – М.: Юрайт, 2012. – 334 с.

38 Меринов, Э. А. Основания признания заключения эксперта по уголовному делу недопустимым доказательством в стадии судебного разбирательства / Э.А. Меринов // Эксперт- криминалист. – 2006. – № 4. – С. 41-44.

39 Миронов, В. Правила оценки допустимости доказательств / В. Миронов // Законность. – 2006. – № 5. – С. 35-36.

40 Насонов, С. А. Судебное следствие в суде присяжных: законодательство, теория, практика / С.А. Насонов. – М.: Юрайт, 2004. – 196 с.

41 Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. В.М. Лебедев; рук. авт.

кол. В.А. Давыдов. – М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2014. – 1056 с.

42 Некрасов, С. В. Юридическая сила доказательств в уголовном судопроизводстве / С.В. Некрасов. – М.: Экзамен, 2004. – 244 с.

43 Ожегов, С. И. Словарь русского языка: 70000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Литература, 2011. – 982 с.

44 Озеров, И. Н. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве: сущность и значение / И. Н. Озеров, Е. А. Черкасова, И. Ю. Капустина // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2013. – № 2. – С. 67-70.

45 Палиева, О. Н. О процессуальном порядке признания доказательств недопустимыми / О. Н. Палиева // Актуальные проблемы современной науки IV. Международная научно-практическая конференция. – 2015. – № 1. – С. 195-198.

46 Резник, Г. М. О допустимости доказательств, тактике защиты и обвинения / Г.М. Резник // Российская юстиция. – 1996. – № 4. – С. 42 - 44.

47 Савицкий, В. М. Уголовный процесс: словарь-справочник / В. М. Савицкий. – М.: Эксмо, 2013. – 364 с.

48 Сайкин, Л. Невозможно быть беспристрастным, рассматривая отвод самому себе / Л. Сайкин, Б. Грузд // Российская юстиция. – 2003. – № 11. – С. 18-20.

49 Середнев, В. А. Признание доказательств недопустимыми в уголовном процессе России / В. А. Середнев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 5-1. – С. 162-168.

50 Смирнов, А. В. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под общ. ред. А.В. Смирнова. – М.: Проспект, 2013. – 992 с.

51 Стецовский, Ю. И., Конституционный принцип обеспечения обвиняемому права на защиту / Ю.И. Стецовский, А.М. Ларин. – М.: Наука, 1988. – 210 с.

52 Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса / М.С. Строго-

вич. – М.: Юридическая литература, 1990. – Т. I – 426 с.

53 Теория доказывания в уголовном судопроизводстве / А.Р. Белкин. – М.: Норма, 2012. – 312 с.

54 Тихомирова, Л. В. Юридическая энциклопедия / под ред. М.Ю. Тихомирова. – М.: Издательство М.Ю. Тихомирова, 2013. – 986 с.

55 Уголовно-процессуальное право Российской Федерации. Учебник / под ред. П.А. Лупинской. – М.: Эксмо, 2013. – 792 с.

56 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Главы 1 – 32.1. Постатейный научно-практический комментарий / Е.К. Антонович, П.В. Волосюк, Л.А. Воскобитова и др.; отв. ред. Л.А. Воскобитова. – М.: Редакция «Российской газеты», 2015. – 912 с.

57 Уголовный процесс: учебник / под ред. А. П. Гуськовой, А. В. Ендольцевой. – М.: Закон и право, 2013. – 812 с.

58 Уголовный процесс: учебник для вузов / под ред. В.И. Радченко. – М.: Юстицинформ, 2015. – 722 с.

59 Ульянова, Л. Т. Доказательства в уголовном процессе / Л. Т. Ульянова. – М.: Городец, 2013. – 216 с.

60 Устинов, А. В. Получение показаний подозреваемого и обвиняемого в рамках международно-правового сотрудничества / А. В. Устинов // Законность. – 2011. – № 2. – С. 48-52.

61 Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства. – М.: Юридическая литература, 1991. – 462 с.

62 Худина, Т. Ф. Международное взаимодействие правоохранительных органов при расследовании преступлений, связанных с организацией незаконной миграции / Т.Ф. Худина // Российский следователь. – 2008. – № 18. – С. 37-40.

63 Центров, Е. Е. Новеллы уголовно-процессуального закона и конституционные права и свободы человека / Е.Е. Центров // Законность. – 2003. – № 7. – С. 19-21.

64 Чечётин, А. Е. Почему результаты оперативно-розыскных мероприя-

тий были признаны недопустимыми доказательствами / А. Е. Чечётин // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2012. – № 2. – С. 59-62.

III Правоприменительная практика

65 Постановление Европейского Суда по правам человека от 18.02.2010 «Александр Зайченко (Aleksandr Zaichenko) против Российской Федерации» (жалоба № 39660/02) [рус., англ.] // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. – 2010. – № 9. – С. 85 - 96.

66 Постановление Европейского Суда по правам человека от 30.04.2015 «Дело «Шамардаков (Shamardakov) против Российской Федерации» (жалоба № 13810/04) // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. – 2015. – № 11. – С. 74-82.

67 Постановление Конституционного Суда РФ от 02.02.1996 № 4-П «По делу о проверке конституционности п. 5 ч. 2 ст. 371 УПК РСФСР, ч. 3 ст. 374 и п. 4 ч. 2 ст. 384 УПК РСФСР в связи с жалобами граждан В.М. Кульнеева, В.С. Лалуева, Ю.В. Лукашева и И.П. Серебрянникова» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 1996. – № 2. – С. 22-25.

68 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 (в ред. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 03.03.2015 № 9) «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1996. – № 1. – С. 2-6; 2015. – № 5. – С. 24-26.

69 Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 12 сентября 2001 № 746п01пр // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2002. – № 3. – С. 72-73.

70 Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 18 июня 2003 № 169п03пр // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2004. – №1. – С. 55-56.

71 Определение Конституционного Суда РФ от 16 июля 2009 № 970-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гаврилова Александра Михайловича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части третьей статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Документ опубликован не был. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-

правовой системы «Консультант Плюс».

72 Постановление президиума Амурского областного суда от 14 октября 2013 года №44-ку-112/13 // Архив Амурского областного суда, 2013.

73 Апелляционное постановление Амурского областного суда от 22 октября 2013 года № 22-1733/13 // Архив Амурского областного суда, 2013.

74 Апелляционное определение Амурского областного суда от 22 августа 2013 года № 22-1418/13 // Архив Амурского областного суда, 2013.

75 Апелляционное определение Амурского областного суда от 31 октября 2013 года № 22-1801/13 // Архив Амурского областного суда, 2013.

76 Обзор кассационной практики судебной коллегии по уголовным делам Амурского областного суда за 2011 год // Архив Амурского областного суда, 2011.

77 Обзор судебной практики кассационной и апелляционной инстанций по уголовным делам Приморского краевого суда за 12 месяцев 2014 года // Бюллетень судебной практики. – 2015. – № 1. – С. 9-16.

78 Приговор Зейского районного суда Амурской области в отношении Прилипко А. А. от 16 апреля 2015 г. // Архив Зейского районного суда Амурской области, 2015.